

Глава II.

ОТДЕЛЕНИЕ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА.

I

Переворот 9 термидора, хотя и совершенный субъективно группами, стоявшими не только правее робеспьеристов («правые термидорианцы»), но равным образом и левее их («левые термидорианцы»), объективно означал тем не менее не что иное, как переход власти из рук мелкой буржуазии в руки буржуазии крупной. Поэтому, казалось бы, этот переворот должен был сразу же привести к разрешению того противоречия в религиозном вопросе, разрешить которое робеспьеристы оказались не в силах. В самом деле, противоречие это, как мы неоднократно указывали, заключалось в том, что как продолжение дехристианизации, так и строгое применение декрета 16—18 фримера о свободе культов были одинаково чреваты угрозой контрреволюции. Но так как пришедшая 9 термидора к власти крупная буржуазия, казалось бы, не могла в противоположность робеспьеристам бояться этой контрреволюции и так как, с другой стороны, продолжение дехристианизации противоречило ее классовым интересам, то вывод из этого как будто бы должен был быть вполне ясен: немедленное осуществление свободы культов и в силу этого реставрация католицизма.

Однако в действительности ход событий оказался совершенно иным. Начать прежде всего с того, что в первые месяцы после 9 термидора левые термидорианцы играли внутри термидорианского блока отнюдь не меньшую роль, чем термидорианцы правые и уже это делало немислимым восстановление католицизма. Но помимо этого, приступая к анализу взаимоотношений революции и церкви в эпоху термидорианской реакции, нельзя ни на минуту забывать того обстоятельства, что правые термидорианцы и поддерживавшее их «болото» выражали интересы не просто крупной буржуазии, а крупной буржуазии «новой», т. е. образовавшейся во время революции из мелкой буржуазии, верхушек крестьянства и, отчасти, деклассированных элементов дворянства и духовенства. Интересы этой новой буржуазии, выросшей на почве спекуляции и в дальнейшем также

оставшейся верной спекулятивным методам накопления, в очень многом противоречили интересам старой, дореволюционной «солидной» крупной буржуазии. И если зимой 1794—1795 гг. правые термидорианцы, в целях противопоставления блоку рабочего класса с мелкой буржуазией блока всех крупнобуржуазных элементов страны, решили вернуть в Конвент политических представителей «старой» буржуазии — жирондистов, то это, само собой разумеется, еще отнюдь не могло означать ликвидации разногласий этих двух прослоек крупной буржуазии. Вот почему вся история термидорианской реакции с того момента, как она справилась с мелкой буржуазией и рабочим классом, т. е. с прерияля III года Республики, а равно и эпохи Директории, есть не что иное, как история борьбы «старой» и «новой» крупной буржуазии, и вполне понятно, что борьба эта не могла не затронуть также и области религии.

Действительно, если «старая» буржуазия, политическими представителями коей были вернувшиеся зимой 1794—1795 гг. в состав Конвента жирондисты, в своей значительной части являлась сторонницей католицизма, в котором она видела великолепного в потенции стража ее классовых интересов, то отношение к религиозной проблеме со стороны «новой» буржуазии было совершенно иным. Прежде всего нужно помнить, что разбогатевшие во время революции «натурши» (новые богачи) думали теперь только о том, чтобы как можно лучше насладиться своими приобретенными путем спекуляции богатствами, и вполне понятно, что даже чисто наружное, для приличия, соблюдение правил христианства не могло не означать нежелательной и совершенно никчемной для них узды. С другой стороны, «новая» буржуазия, всем своим положением обязанная революции, не могла уже по одному этому не опасаться контрреволюции, которая лишила бы ее национальных имуществ и всех вообще награбленных ею богатств. А так как та контрреволюционная роль, которую католическая церковь играла в течение всего хода революции, была у всех на виду, то вполне понятно, что «новая» буржуазия ни с какой стороны не могла быть заинтересована в том, чтобы возратить этой церкви какое бы то ни было значение и возможность влиять на дела.

Совершенно иным было отношение к католицизму со стороны «старой» буржуазии. Приученные долгим опытом прошлого прекрасно согласовывать свои делишки с соблюдением церковных заповедей представители этой «солидной» буржуазии вместе с тем почти не боялись контрреволюции, потерять от которой они могли лишь очень немного. Поэтому «старая» буржуазия относилась к католицизму несравненно более благосклонно, чем буржуазия «новая», и именно эта прослойка наряду с отсталыми слоями крестьянства и отчасти мелкой городской буржуазии и составляла основную опору католицизма в эпоху термидорианской реакции и Директории. Но так как политические предста-

вители этой «старой» буржуазии—жирондисты—стали оказывать влияние на дела лишь с начала 1795 г., то именно этим и объясняется тот факт, что в первые месяцы термидорианской реакции положение католической церкви во Франции не только не улучшилось, но скорее даже ухудшилось.

Блестящее доказательство этого положения представляет относящаяся к этому периоду деятельность конвентских комиссаров. Для того, чтобы не загромождать нашего изложения слишком длинными цитатами из документов, мы ограничимся тем, что приведем соответствующий отрывок из Матеза, в своей книге «Термидорианская реакция» (книга эта вышла в свет в 1929 г. и представляет собой новейшую работу по данному вопросу) дающего краткое и вместе с тем яркое изложение положения католической церкви непосредственно после 9 термидора.

«...Приведем несколько примеров. Конвентский комиссар Буассэ приезжает в Бурэ, главный город департамента Эн, 20 термидора. В своей первой же прокламации он обещает прекратить насильственные действия и следить за безопасностью патриотов, но тотчас же добавляет: «Дворяне, священники, интриганы и агитаторы должны быть сняты со всех общественных должностей...» Этот комиссар предписал конфискацию ценностей и закрытие тех немногих церквей, которые к этому времени были еще открыты. В конце своей миссии, в четвертый дополнительный день II года, Буассэ выпустил прокламацию в пользу декады и против воскресенья. Он оставил священников в тюрьмах.

«Преследование бывших священников после термидора было повсеместным. В Боне, главном городе дистрикта Кот д'Ор, во время общего собрания граждан Коммуны, состоявшегося 4 и 5 Фрюктидора, два администратора дистрикта из бывших священников—Дюбуа и Монно—подверглись жестоким нападкам, заставившим их подать в отставку. Жители Бона в своем адресе Конвенту требовали «полного устранения бывших дворян и священников от всех общественных должностей». Нет никакого сомнения в том, что отрекшиеся от своего сана и целиком отдавшие Республике конституционные священники вызывали со стороны термидорианцев всеобщее недоверие, часто сопровождавшееся преследованиями...

«... Таким образом, конвентские комиссары за очень немногими исключениями продолжали вести войну с «фанатизмом», т. е. с католиками. В Дубсе после термидора отречения священников возобновляются с новой силой. 11 сентября 1794 г. в безансонском дистрикте оставался только один сохранивший свой сан конституционный священник... В дистрикте Бом-де-Дам, где таковых к 9 термидора имелось еще 20, в последующие декады сложили свой сан 14. Конвентские комиссары Пеллетье и Бессон своим постановлением 30 брюмера III года предписали арест всех продолжавших исполнение культа священников и закрытие всех еще открытых церквей. Их постановление было распространено и на

соседний департамент Верхней Соны. Они также предписали арест сопротивляющихся священников. Под влиянием этих угроз отреклись от своего сана лютеранские священники Монбельяра. В октябре 1794 г. безансонские евреи закрыли свою синагогу.

«В соседнем департаменте Кот д'Ор конвентский комиссар Калес предписал снятие последних колоколов, конфискацию священных сосудов и закрытие оставшихся к тому времени открытыми церквей. В Верхней Гарроне и Тарне комиссары Малларме и Буйеро постановлением 14 вандемьера III года предписывают интернирование в главных городах дистриктов всех священников, даже отрекшихся от своего сана, за исключением одних только женатых. Кроме того, Малларме предписал арест всех лиц, не работающих по воскресеньям¹.

«В Гаре, Авейроне и в Эро народный представитель Перрен из Вогезов предписал удаление многих бывших священников на 20 лье от их местожительства и подверг аресту тех, кто «препятствовал тому доброму, которое он хотел совершить».

В Орне отрекшийся от своего сана конституционный епископ Лefесье был арестован только за то, что он обратился к конвентскому комиссару Женисье с просьбой разрешить ему исполнение его прежних обязанностей. Он пробыл в тюрьме семь недель.

«В Эре дистрикт Берне принял 2 нивоза III года постановление о запрещении мессы².

Было бы глубоко неправильно думать, что все перечисленные выше конвентские комиссары принадлежали к числу левых термидорианцев. Если таковым был без всякого сомнения Малларме, то наряду с этим Буассэ и Калес были термидорианцами по правым, а Перрен стоял даже ближе к «болоту»³, и если они тем не менее действовали в указанном выше направлении, то это без сомнения объясняется тем, что нами было сказано выше по вопросу об отношении «новой» буржуазии к католицизму.

¹ Вот некоторые статьи постановления Малларме 14 вандемьера:

«Ст. 1. В течение двадцати четырех часов с момента опубликования настоящего постановления подлежат полному уничтожению с тем, чтобы от них не оставалось никаких следов, все бывшие часовни, находящиеся в деревнях или при входе в коммуны. Исключение будет сделано только для так называемых главных церквей.

«Ст. 3. Все иконы и деревянные или каменные изображения, известные под названием святых, своим сохранением обязанные лишь стремлению к сохранению идолопоклонства, будут собраны в каком-либо центральном пункте, где они будут затем сожжены в присутствии муниципалитета.

«Ст. 7. Все бывшие служители католического культа должны будут в течение трех дней явиться в главный город их дистрикта. В противном случае они будут рассматриваться как подозрительные и будут арестованы». (Kuscinski «Dictionnaire des Conventionnels», стр. 426).

² A. Mathiez, «La reaction thermidorienne», стр. 165—166, 170—171.

³ Кушинский, стр. 64—65, 99—100, 483—484.

Наряду с преследованием католической религии в первые месяцы термидорианской реакции продолжались и преследования католических священников. Чрезвычайно любопытные цифры по этому поводу сообщает Де-ла-Горс. «В Верхней Луаре,—говорит он,—с 13 термидора по 27 вандемьера, было казнено шесть священников. В течение конца лета и начала осени 1794 г. я отмечаю четыре казни священников в Дубсе, две в Мэн-и-Луаре, две в Нижней Луаре, одну в Кот-дю-Нор, пять в Морбитане, одну в Варе. В департаменте Севера казнены 31 священник, захваченные на вновь занятой территории Республики и рассматривавшиеся как эмигранты. В Париже Революционный Трибунал возобновил свои заседания с 23 термидора, причем он сильно смягчился и охотно оправдывал подсудимых. Но в отношении священников никакого смягчения не наблюдается и с 5 фрюктидора по 8 брюмера к гильотине присуждают восемь священников»¹.

«Но термидорианцы,—продолжает в своей уже цитированной книге Матъез,—не ограничиваясь сохранением в течение ряда месяцев запрещения старого культа, стараются также поддержать и усилить новый республиканский культ, выражающийся в гражданских праздниках по декади. Несмотря на свою ненависть к Робеспьеру, они все же не отменяют легализовавшего эти декадные праздники декрета 18 флореала.

«Храмы Верховного Существа остаются открытыми, и народные общества, конвентские комиссары и местные должностные лица регулярно празднуют в них посредством гимнов, речей и чтений Республику и отечество. Имелись даже такие города, как, например, Лилль, в которых декадный культ получил дальнейшее развитие. В этом городе в день первой санкюлотиды II года, т. е. тот самый день, когда Национальный Конвент в полном составе сопровождал бранные останки Марата в Пантеон, был открыт «храм Предвечному», убранство которого было особенно тщательно. В этом храме, на подобие Елисейских полей, были устроены леса, гроты, холмы, пирамиды и могилы, посвященные памяти великих друзей свободы. Посередине возвышалась скала со статуей Свободы, могила Руссо, окруженная, как в Эрмоневилле, тополями и ивами, и памятники в честь Барра, Виала, Лепеллетье и Марата.

«Всюду, где победоносные французские армии захватывали иностранную территорию, они открывали республиканские храмы. В Антверпене храм разума открывается 25 фримера III года, в Монсе—2 пловизоа III года, в Аахене—30 фримера III года. В Аахене, впрочем, храм посвящается Верховному Существо, и речь при его открытии произносит член Конвента Пюртье из Уазы.

«Как в старых, так и в новых храмах, декади празднуются вполне регулярно, по крайней мере властями и школьниками. Лавки по декади должны быть закрыты под угрозой наказания и это применяется даже в Эльзасе. В Верхней Гаронне и Тарне

конвентский комиссар Малларме предписывает арест всех тех, кто не будет работать по воскресеньям.

«Гражданские ритуалы продолжают печататься в значительном количестве. 12 сентября 1794 г. безансонский муниципалитет покупает за 400 ливров коляску, предназначенную для того, чтобы служить в качестве триумфальной колесницы во время общественных празднеств. Народный представитель Пеллетье, проездом через Понтарлие, издает 21 ноября постановление, предписывающее выстроить за счет дистрикта театральную залу для декадных праздников. Богини Свободы возрождаются, а аутодафе церковной утвари и книг продолжают по-старому. 5 фрюктидора II года национальный агент при дистрикте Диез предлагает коммуна его округа заменить в храмах Разума «идолы священников» бюстами Марата и Лепеллетье. Одним словом можно сказать, что термидора как-будто бы ни в чем не изменило положение религии» (курсив наш. Я. М.)¹.

Если таким образом действовали местные власти и конвентские комиссары, то в таком же точно настроении пребывал в первые месяцы после 9 термидора и сам Национальный Конвент. Так же в своем заседании 15 термидора он, по предложению Монлайо, принял декрет, устранявший всех бывших дворян и священников всех культов от всех общественных должностей. Правда, уже на следующий день, по предложению Мерлена из Тионвилля, декрет этот был аннулирован, но сделано это было лишь из соображений чисто практического порядка. Таким образом тот факт, что в это время мог быть издан закон, требовавшийся в свое время эбертистами и в котором Конвент отказывал даже в эпоху максимального развития дехристианизации, показывает, насколько он был в это время далек от каких бы то ни было мыслей об уступках церковникам. При этом само собой разумеется, что наряду с уже известным нам холодным отношением правых термидорианцев к католицизму решающую роль в таком настроении Конвента играли левые термидорианцы. А для определения тактики последних в эти дни в области религиозного вопроса достаточно сказать, что в якобинском клубе 21 фрюктидора (7 сентября) было высказано пожелание о высылке за границу всех бывших дворян и священников. Поэтому нас несколько не может удивить постановление, принятое Конвентом в его заседании второй санкюлотиды II года, т. е. 18 сентября 1794 г. Постановлению этому предшествовало выступление левого термидорианца Бори, в котором он говорил:

«Я пробыл около четырех месяцев в Лозере и там я все время получал сообщения о мятежных сборищах. Если вы, граждане, хотите раз навсегда обеспечить спокойствие в горах Лозеры, Верхней Луары, Ардеша и соседних департаментов, то я вам сейчас укажу, каким образом можно этого добиться.

¹ Де-ла-Горс, т. IV, стр. 14.

¹ Матъез, стр. 172—174.

«Департамент Лозеры один из тех, где было меньше всего конституционных священников; большинство тамошнего духовенства было неприсяжным и скрывалось в горах. В настоящее время они все еще находятся там, скрываясь самыми различными способами, и не перестают сеять семя раздора. Жители деревень буквально осаждаются этими ловкими людьми. Я тщательно объехал несколько департаментов и между прочим департамент Лозеры. Нет почти такого кантона, в котором бы я не беседовал с жителями, и все они жаждут только свободы; то же самое следует сказать и о департаментах Верхней Луары, Кантала и Гар, которые я тоже хорошо знаю. Но во всех этих местах республиканские принципы попираются священниками, причем особенно усиливают надежды этих скрывающихся по лесам людей: 1) заточенные и не сосланные согласно закону священники и 2) священники, занимающие места в администрации.

«Так, например, в Манде я нашел 71 заключенного священника, большинство которых подлежало ссылке. Я отправил их в нимскую цитадель...

«...С другой стороны, вы уже два раза декретировали, что священники и бывшие дворяне должны быть устранены от всех общественных должностей, но оба раза вас заставили отменить ваш декрет. И в этом заключается вторая причина, содействующая развитию смут. Поэтому следует раз навсегда разрешить вопрос о священниках и бывших дворянах, устранив их от занятия всех должностей. Если из этого общего правила должны быть сделаны какие-либо исключения, они должны быть строго оговорены. С другой стороны, нужно сослать тех священников, которые подлежат ссылке на основании действующих законов».

В заключение своей речи, Бори предложил две меры, сразу же получившие одобрение Конвента. Они заключались в том, чтобы:

«1. Поручить Комитету законодательства навести в кратчайший срок справки об исполнении законов, касающихся ссылки священников. Этот Комитет должен следить за ссылкой священников, отдавая в том отчет Конвенту.

«2. Комитет общественного спасения представит в первый день первой декады III года Республики доклад об исполнении декрета, исключającego священников и бывших дворян от общественных должностей».

Несравненно важнее, чем это постановление, к тому же оставшееся без исполнения, был принятый Конвентом в тот же самый день 18 сентября декрет о прекращении оплаты государством всех без исключения религиозных культов. Но для того, чтобы понять постановления этого декрета, нам нужно будет несколько возвратиться назад и рассмотреть материальное положение, в котором католическое духовенство (которое одно только оплачивалось государством) находилось до издания декрета 18 сентября 1794 г.

Еще со времен Учредительного Собрания вознаграждение, получавшееся католическим духовенством от государства, делилось на две категории: жалование и пенсии. Жалование уплачивалось тем церковникам, которые состояли в штате; пенсии же получали клирики, должности которых были упразднены Конституантой или которые не были переизбраны при установлении гражданского устройства духовенства, а равно и бывшие монахи. Пенсии же, согласно декрета 2 фримера II года, получали те церковники, которые отреклись от своего сана.

Декретом 27 сентября 1792 г. размер получавшихся церковниками пенсий был ограничен 1000 ливров, а декретом 6 жерминаля II года Национальный Конвент, принимая во внимание тяжелое положение государственной казны, предписал приостановление выплаты, начиная с 1 жерминаля, всех уплачивавшихся государством кому бы то ни было пенсий. Таким образом с 1 жерминаля II года эта категория церковников была снята с государственного бюджета, и это положение вещей продолжалось до 18 термидора, когда Конвент декретировал что «бывшие служители религиозного культа, а равно и получающие от государства пенсию монахини, незамедлительно получают... следуемые им в силу ранее изданных декретов суммы и будут и впредь продолжать получать таковые».

Что же касается до жалования церковников, то декретом 18 сентября 1793 г. его размеры были сокращены¹, а 16 брюмера II года Конвент признал за отдельными коммунами право ликвидировать у себя церковные приходы, а следовательно и соответствующие штатные должности священников. Поэтому, начиная с этого времени, многие церковники остались без жалования и когда был издан декрет 18 термидора, они, невзирая на то, что в нем говорилось только о бывших служителях культа, стали требовать применения этого декрета и в их отношении. В одних местах Франции местные власти пошли им навстречу, в других местах — нет, и таким образом создавался полный разноречивый, ликвидировать который могло только вмешательство Национального Конвента.

Таково было положение вещей, когда 18 сентября 1794 г. выступивший от имени финансового комитета Камбон сделал Конвенту доклад, который мы, в виду его важности, воспроизводим в его важнейших деталях.

«Я пришел от имени Финансового Комитета, — начал свой доклад Камбон, — говорить с вами о священниках. Вы, вероятно, недоумеваете, какая связь может существовать между священниками и финансами Французской Республики? Нация, скажете вы, уже достаточно ясно и открыто высказала свое отвращение ко

¹ Жалование епископов было сокращено до 6000 ливров, а епископские викарии были совершенно лишены жалования и переведены на пенсию в 1200 ливров.

всем религиозным предрассудкам; может ли после этого быть еще разговор о расходах на культ и содержание священников.

«Подобная претензия, правда, выставлялась кое-кем из заинтересованных лиц; однако не думайте, что ваш Финансовый Комитет намеревается выступить перед вами в качестве официального защитника системы, которая могла бы восстановить религиозные предрассудки. Нет, Комитет хочет только предложить вам проект декрета, направленного к ускорению выплаты пособий бывшим служителям культа, задерживаемых в некоторых местах, благодаря неправильному толкованию декрета 18 термидора.

«Для того, чтобы обратить внимание на предложение, которое я намереваюсь вам сделать, необходимо предварительно напомнить постановления некоторых законов и некоторые имевшие место в прошлом события революции».

Обрисовав затем уже известную нам историю законодательства об оплате церковников, Камбон перешел к изложению трудностей, связанных с применением декрета 18 термидора.

«Бывшие служители культа, не отказавшиеся от своих функций¹, пытаются найти в этом законе средство сохранить свою прежнюю профессию и требуют выплаты им содержания, связанного с их должностью. А между тем, если епископы, кюре и т. д., не отказавшиеся от своих функций, считают, что они сохранили свои прежние должности, то они никак не могут быть оплачиваемы в силу закона 18 термидора, ибо текст этого закона говорит только о *бывших служителях культа*². Однако эта основанная на жадности претензия послужила поводом многих запросов, с которыми директории дистриктов обращаются в Финансовый Комитет или в Национальное Казначейство».

Отметив затем разницей, существующий в том, каким образом различные директории дистриктов разрешают вопрос о применении декрета 18 термидора в отношении не отрекшихся от своего сана церковников, Камбон продолжал:

«Ваш Финансовый Комитет полагает, что вы должны уничтожить все затруднения, связанные с применением различных законов о церковных пенсиях.

«Первое мероприятие, которое Комитет считает своим долгом вам предложить, заключается в принятии торжественной декларации о том, что Французская Республика не оплачивает более служителей и расходов какого бы то ни было культа. По провозглашении этого великого принципа исчезнет и большинство заявленных претензий. В Республике не будет больше оплачиваемых священников; те же, кто будет получать пособие, будут считаться пенсионерами Республики...»

¹ Имеются в виду священники, должности которых были упразднены постановлениями их коммуны и которые в силу этого лишлись своего содержания.

² Курсив Камбона.

«...Провозглашая принцип, уже запечатленный в ваших сердцах, ваш Комитет вместе с тем полагает, что вы должны предотвратить средства существования бывшим служителям упраздненных культов. Поэтому он поручил мне предложить вам распространить пособия, предусмотренные декретом 2 фримера в отношении отрекшихся от своего сана церковников и на тех церковников, которые либо продолжают в настоящее время исполнение своих обязанностей, либо прекратили таковые, но не отреклись от своего сана» (курсив наш. Я. М.).

Мы не будем излагать остальных, относительно второстепенных, предложений, содержащихся в докладе Камбона, так как они нашли свое отображение в декрете, принятом Конвентом по его предложению в том же заседании 18 сентября 1794 г. Вот текст этого декрета:

«Национальный Конвент, заслушав доклад Финансового Комитета, декретирует:

«Ст. 1. Французская Республика не оплачивает более служителей и расходов какого бы то ни было культа.

«Ст. 2. Постановления декрета 2 фримера, установившего ежегодное пособие тем бывшим служителям культа, которые отреклись или отрекутся от своих обязанностей, распространяются и на бывших служителей культа, продолжающих исполнение своих функций или прекративших таковое без отречения от сана.

«Ст. 3. Максимум пособий, предоставляемых лицам обоого пола, должности, места или бенефиции которых упразднены, не может превышать размеров годовых пособий, установленных законом 2 фримера. Все постановления этого закона распространяются и на означенных лиц.

«Ст. 4. Бывшие служители культа, которые в силу ранее изданных законов и закона 18 термидора потребовали уплаты им содержания за trimestры, начавшиеся 1 жерминаля и 1 мессидора, согласно ставкам, установленным законами, предшествовавшими закону 2 фримера, будут обязаны возратить излишек, полученный ими против установленных выше ставок.

«Ст. 5. Национальные агенты при дистриктах будут следить за неуклонным внесением этих излишков в кассы дистриктов. В случае отказа в таковом, директории дистриктов удержат невнесенные суммы при ближайшей уплате соответствующим пенсионерам.

«Ст. 6. Находящиеся в заключении лица обоого пола, получающие пенсии за упраздненные церковные должности, места или бенефиции, не будут получать своих пенсий в течение всего времени их заключения. Они будут содержаться за счет нации из расчета 40 с. в день.

«Ст. 7. Пенсии и пособия, уплачиваемые в силу закона 2 фримера или настоящего декрета или предоставленные в силу упразднения церковной должности, места или бенефиции, будут

выплачиваться казначеем, дистриктов по триместрам, по истечении таковых.

«Ст. 8. Постановление закона 18 термидора, разрешающее совмещение содержания и пенсии¹ лишь в том случае, если размеры обоих не превышают тысячи ливров, будет применяться и в отношении пенсий и пособий, указанных в предшествующей статье.

«Ст. 9. Доклад Финансового комитета и настоящий декрет будут отпечатаны в бюллетене корреспонденции, а настоящий декрет, кроме того, и в бюллетене законов».

Таков декрет 18 сентября 1794 г. (или, по революционному календарю, второй санкюлотиды II года), иногда неправильно толкуемый как провозглашение отделения церкви от государства. На самом же деле ни о каком отделении церкви от государства в декрете 18 сентября речи не шло: отделение церкви от государства в силу самого своего существа подразумевает полную свободу культов, а декрет 18 сентября, говоривший об одних только бывших служителях культа, тем самым недвусмысленно показывал, что ни о каких служителях культа в настоящем речи быть не может. Таким образом, мы должны признать, что и декрет 18 сентября 1794 г., кстати сказать, лишь осуществлявший то, о чем в свое время хлопотали многие дехристианизаторы, целиком и полностью соответствовал той линии поведения в религиозном вопросе, которая была усвоена Конвентом и революционным правительством в первые месяцы термидорианской реакции и которая ярче всего может быть резюмирована цитированной выше фразой Матьеза, что 9 термидора как-будто бы ни в чем не изменило положения религии. Однако такое положение вещей долго продолжаться не могло, и уже очень скоро резко антикатолическая политика Конвента осени 1794 г. заменяется иной, несравненно более благоприятной для католицизма.

II

Мы уже говорили, что если выразители интересов «новой» буржуазии — правые термидорианцы и отчасти «болото» — были настроены в отношении католицизма более чем холодно, то совершенно иной была по данному вопросу позиция жирондистов, являвшихся в эту эпоху политическими представителями «старой» буржуазии. 18 фримера III года (8 декабря 1794 г.) были возвращены в Конвент жирондистские депутаты, протестовавшие в свое время против Революции 2 июня 1793 г., а 18 вантоза были возвращены и те депутаты-жирондисты, которые были в 1793 г. объявлены вне закона. Само собой разумеется, что это не могло не оказать влияния на политику Конвента в религиозном вопросе,

¹ Здесь имеется в виду тот случай, когда бывшие церковники занялись какой-либо иной профессией, связанной с получением определенного содержания.

и поэтому неудивительно, что уже с конца декабря 1794 г. в его среде раздаются голоса, требующие решительного пересмотра прежней линии в этой области. Первым таким голосом, вначале довольно одиноким, был голос «конституционного» епископа Грегуара, раздавшийся в заседании Национального Конвента 1 ниво-за (21 декабря 1794 г.). Поводом для его выступления был доклад о декадных праздниках, сделанный в этот день от имени комитета народного просвещения Мари-Жозефом Шенье.

Доклад Шенье был выдержан в том самом духе, который, как мы видели выше, был характерен для первых месяцев термидорианской реакции. «Завоеванная мощной энергией народа свобода — говорил докладчик, — укрепляется лишь мудрыми законами и увековечивается нравами. Все предрассудки стремятся ее уничтожить, причем наиболее опасными для свободы являются те предрассудки, которые, будучи построенными на мистических идеях, овладевают воображением и ослабляют власть человеческого разума. Именно поэтому как в Европе, так и в Америке, нации убивали друг друга из-за религий, хотя и враждебных друг другу, но вместе с тем и одинаково враждебных нациям; человеческая кровь лилась из-за убеждений, которых почти не понимали. Тиранические и антисоциальные установления могут быть побеждены лишь активным и практическим разумом и учреждениями, направленными к защите свободы. Философия не принуждает верить в нее; ей чужды какие бы то ни было догматы и чудеса; она следует за природой и не питает нелепых претензий изменять ее непреложные законы и останавливать ее вечное течение. Когда господствует обман, он подчиняет все совести железному ядру; но истина в отличие от него не нуждается в инквизиторах. Когда фанатизм прибегает к преследованиям, он тем самым подготавливает свою гибель; напротив того, преследование его противоположным по духу фанатизмом порождает его триумф. В области религии, равно как и в области политики, здание ошибок всегда цементируется кровью мучеников».

Исходя из этих общих положений, Шенье предложил затем на рассмотрение Конвента проект организации декадных праздников, несмотря на отдельные возражения, встреченный в общем Конвентом довольно благожелательно. «Этот проект, — говорил, например, левый термидорианец Альбитт, — страдает некоторыми недостатками, но не следует забывать что фанатизм и невежество выбиваются из сил, чтобы вызвать беспорядки. Поэтому я думаю, что этот проект должен быть принят».

Национальный Конвент постановил напечатать доклад Шенье, после чего должно было иметь место его подробное обсуждение. Но когда таким образом казалось, что с этим вопросом в данном заседании покончено, на трибуну неожиданно поднялся Грегуар и произнес большую речь, важнейшие места которой мы приводим полностью.

«Мы основали республику, — начал свою речь Грегуар, — но теперь перед нами стоит еще крайне важная задача упрочнения ее существования. Мы поклялись положить оружие, лишь продиктовав нашим врагам условия победоносного мира; но наилучшим и вместе с тем необходимым условием для достижения такого мира извне является предварительное установление его внутри страны. А для того, чтобы установить мир внутри страны, следует заживить раны, для которых революция была скорее поводом, нежели причиной, и оживить все укрепляющие общественные связи, сладостные и чистые влечения...

«По этому поводу у меня возникли некоторые мысли, которые я считаю направленными к пользе моей родины. Скрывать их — значило бы быть недостойным своего звания. При развитии этих мыслей я рассмотрю, как законодатель, причины и средства устранения тех религиозных беспорядков, которые волновали и еще продолжают волновать Францию...

«Всякое убеждение является результатом работы ума, и эта работа может быть видоизменена лишь посредством рассуждений. Убеждения изменяются под влиянием света разума, но отнюдь не насилий; пытаться распорядиться мыслями есть предприятие химерическое, так как оно превышает человеческие силы, и тираническое, так как никто не имеет права ставить пределы для моего разума.

«Но с того момента, как мне разрешено иметь убеждения, я имею право высказывать таковые и делать их правилом своего поведения, и вытекающий из этого культ является такой же составной частью естественного права, как и свобода печати. Пытаться нанести ему урон — значило бы вместе с тем уничтожить базу общественного договора.

«Правительство не должно придерживаться и еще того менее оплачивать какой бы то ни было культ, хотя оно и признает за каждым гражданином право иметь свой собственный. Поэтому правительство, не совершая несправедливости, не может ни отказывать в защите какому-либо культу, ни оказывать ему предпочтение. Тем самым оно не должно позволять себе какие бы то ни было действия или речи, которые, оскорбляя то, что почитается частью нации, вместе с тем подорвали бы гармонию и нарушили бы политическое равенство. Оно должно поддерживать равновесие между всеми культурами и одинаково не допускать, как чтобы их угнетали, так и чтобы они сами нарушали порядок.

«... Бури революции могли вызвать необходимость некоторых мер строгости. Некоторые конвентские комиссары сочли, что общественное благо предписывает временное запрещение религиозных собраний в некоторых департаментах, в которых дыхание роялизма все еще отравляло атмосферу; однако, с прекращением надобности в них, эти меры должны быть отменены. Продолжать их действие далее того времени, когда они находят свое оправдание в предлоге общественного блага, значило бы

вызвать недовольство и отчаяние людей, которые усмотрели бы в этом лишь сознательное преследование и стремление к мучительству...

«... Но каково же настоящее положение вещей в этом отношении? Свобода культов существует в Турции, но не существует во Франции, в которой народ лишен права, принадлежащего ему даже в деспотических государствах, даже в Марокко и в Алжире. Если это положение вещей будет продолжаться, мы потеряем право негодовать на инквизицию, ибо у нас самих свобода культов существует только на бумаге, и вся Франция стонет под игом преследований... Когда мы провозглашаем свободу культов в странах, в которые вступают наши победоносные армии, — каким образом вы хотите, чтобы тамошние народы не рассматривали это провозглашение, как обман, когда они знают, что у нас арестуют тех, кто требует осуществления соответствующих законов?

«... Но, ответят мне, каждому гражданину разрешается отправлять свой культ у себя дома. Как, декларация прав, конституция и другие изданные с таким шумом законы служат только для того, чтобы установить, что я могу делать все, что хочу... у себя в комнате! Если и можно болтать ерунду, то все же не столь явным образом. Кроме того вряд ли нужно напоминать, что тираническое шпионство не останавливается и перед дверьми домашнего очага.

«Отныне не может быть ничего более тривиального, чем фраза: «Суеверие и фанатизм подымают свою наглуго голову». Суеверие и фанатизм являются, конечно, крайне грозными бичами и составляют нечто вроде моральной чумы; но не пора ли уже определить смысл этих понятий, ибо без такого определения они служат для обозначения всего того, что хотят беспрепятственно преследовать...

«... Но, — говорят, — вандейская война! Вандея, без всякого сомнения, является самой страшной раной, нанесенной революции чудовищами; в ней соединены все преступления и несчастья. Что может быть ужаснее, нежели эти подлые священники, во имя неба проповедующие резню; но смешивать этих священников, которых нельзя даже назвать людьми, с теми, которые, всегда подчиняясь законам, помогли основать республику, значило бы ставить на одну доску вандейских разбойников и доблестных защитников отечества...

«Нет, граждане, вы слишком справедливы, чтобы смешивать вандейцев с теми священниками, которые вместе с вами боролись с деспотизмом и даже шкурные интересы коих представляют гарантию их намерений, ибо в случае восстановления старого режима они явились бы, конечно, его первыми жертвами...

«... Что же следует сделать при невозможности устранения религиозных взглядов, а равным образом и немедленного объединения всех граждан в рамках одной и той же религии? Га-

рантировать полную и неограниченную свободу всех культов, напомним вместе с тем народу посредством специального адреса о вытекающих из этого порядка вещей правила поведения осуществление коих должно быть поручено народным представителям, отправленным для наблюдения в различные департаменты. Этим путем вы нейтрализуете политическое влияние всех культов».

В соответствии с этими принципами своей речи Грегуар, поддерживая проект декрета о декадных праздниках, предложил вместе с тем Конвенту принять следующий декрет:

«Установленным властям поручается гарантировать всем гражданам свободное отправление их культа, принимая вместе с тем меры, диктуемые стремлением к сохранению порядка и спокойствия».

Яркая и безусловно сильная речь Грегуара, открыто направленная к восстановлению свободы отправления «конституционного» католического культа, вызвала, однако, сильное негодование Конвента. Хотя сам Грегуар и был весьма далек от жирондистов, однако кроме них ему было в то время трудно рассчитывать на какую-либо серьезную поддержку. Но так как в тогдашнем Конвенте, не «очищенном» еще изгнанием большинства левых термидорианцев, жирондисты были довольно слабы, то неудивительно, что Грегуара все время прерывали шум и возгласы с мест. А по окончании его речи с гневной отповедью ему выступил один из видных представителей правых термидорианцев — парижский депутат Лежандр.

«Я полагаю, — заявил он, — что мы уже достаточно продвинулись по пути революции, чтобы больше не заниматься вопросами религии. Если мы возобновим эти дискуссии, мы тем самым вернемся ко временам, когда священники развращали общественное мнение и не допускали, чтобы народ мог иметь иных выразителей своего мнения, чем они. Быть хорошим мужем, хорошим сыном и хорошим отцом — такова единственная религия республиканцев (аплодисменты). Республиканизм является дополнением всех добродетелей (снова аплодисменты).

«Я не собираюсь нападать на всех бывших священников, и я хотел бы, чтобы в случае совершения ими преступлений они были наказаны, как все прочие граждане, без каких-либо специальных отличий. Но я вместе с тем не могу забыть, что именно священники были во все времена самой прочной опорой трона и что именно во имя религии некий кардинал поднял руку Карла IX для убийства народа (снова аплодисменты).

«Я не сомневаюсь в добрых намерениях Грегуара, но я полагаю, что его речь может принести много вреда. Поэтому я требую перехода к порядку дня».

Предложение Лежандра было принято, как гласит отчет о заседании 1 нивоа, среди сильнейших аплодисментов всего зала.

Но если таким образом предложение Грегуара встретило сопротивление огромного большинства Конвента, то нашлись все

же некоторые единичные депутаты, которые его поддержали. Так, тарнский депутат Терраль выпустил брошюру, в которой доказывал, что декадные праздники не должны составлять единственного культа, допущенного для публичного оказательства; такого же мнения придерживался и другой депутат Буассье, который в изданной им брошюре называл декадные праздники наследством Робеспьера, Шометта, Эбера и т. д.¹ А видный деятель «болота» Дюран-Мальян в выпущенной им в то же время брошюре «Мнение о декадных праздниках» выступал еще более резко. «Пора уже отказаться, — писал он, — от надежды разрушить католицизм, имеющий за собой восемнадцать веков традиции и опыта. Даже если изгнать или сжечь священников, из их пепла все равно вырастут новые, разве только до этого времени кончится долготерпение верующих. Мы живем в стране, три четверти с лишним огромного населения которой не знают и не хотят другой религии... Французская нация опозорилась бы, если бы она основала строй без религии или, вернее, если бы она разрушила все религии для основания такового»².

Значительно сильнее, однако, чем среди членов Конвента, было в это время настроение в пользу свободы культов среди широких масс. Мы видели в свое время, что даже в эпоху христианизации широкие массы городского и особенно сельского населения оставались привязанными к католицизму, и само собой разумеется, что в эпоху термидорианской реакции соответствующие настроения могли только окрепнуть. Так, например, в полицейском рапорте о настроении Парижа от 28 пловивоа III года (15 февраля 1795 г.) мы встречаем описание следующей любопытной сцены:

«Рассказывают, что вчера, около двух часов дня, около Пон-Турнан значительное количество граждан собралось вокруг оратора, говорившего о свободе культов... причем он между прочим доказывал полезность католической религии. Когда один из слушателей сделал оратору несколько замечаний об опасностях, связанных с такими рассуждениями, он ответил личными нападениями и сарказмами, которые чуть не довели дело до потасовки».

Как показывает эта характерная сценка, среди народных масс наряду со сторонниками восстановления католицизма имелись в это время и решительные противники такового. Однако, невзирая на это последнее обстоятельство и даже на уже известное нам настроение конвентского большинства этой эпохи, общие успехи политической реакции к началу 1795 г. были уже столь значительны, что во многих местах Франции оказалось возможным открытие церквей и возобновление церковной службы. Первый шаг в этом направлении был сделан Грегуаром, в епархии которого — департаменте Луар и Шери — католический культ

¹ М а т ъ е з, стр. 179.

² Там же, стр. 178—179.

рантировать полную и неограниченную свободу всех культов, напомним вместе с тем народу посредством специального адреса о вытекающих из этого порядка вещей правила поведения осуществление коих должно быть поручено народным представителям, отправленным для наблюдения в различные департаменты. Этим путем вы нейтрализуете политическое влияние всех культов».

В соответствии с этими принципами своей речи Грегуар, поддерживая проект декрета о декадных праздниках, предложил вместе с тем Конвенту принять следующий декрет:

«Установленным властям поручается гарантировать всем гражданам свободное отправление их культа, принимая вместе с тем меры, диктуемые стремлением к сохранению порядка и спокойствия».

Яркая и безусловно сильная речь Грегуара, открыто направленная к восстановлению свободы отправления «конституционного» католического культа, вызвала, однако, сильное негодование Конвента. Хотя сам Грегуар и был весьма далек от жирондистов, однако кроме них ему было в то время трудно рассчитывать на какую-либо серьезную поддержку. Но так как в тогдашнем Конвенте, не «очищенном» еще изгнанием большинства левых термидорианцев, жирондисты были довольно слабы, то неудивительно, что Грегуар все время прерывали шум и возгласы с мест. А по окончании его речи с гневной отповедью ему выступил один из видных представителей правых термидорианцев — парижский депутат Лежандр.

«Я полагаю, — заявил он, — что мы уже достаточно продвинулись по пути революции, чтобы больше не заниматься вопросами религии. Если мы возобновим эти дискуссии, мы тем самым вернемся ко временам, когда священники развращали общественное мнение и не допускали, чтобы изрод мог иметь иных выразителей своего мнения, чем они. Быть хорошим мужем, хорошим сыном и хорошим отцом — такова единственная религия республиканцев (аплодисменты). Республиканизм является дополнением всех добродетелей (снова аплодисменты).

«Я не собираюсь нападать на всех бывших священников, и я хотел бы, чтобы в случае совершения ими преступлений они были наказаны, как все прочие граждане, без каких-либо специальных отличий. Но я вместе с тем не могу забыть, что именно священники были во все времена самой прочной опорой трона и что именно во имя религии некий кардинал поднял руку Карла IX для убийства народа (снова аплодисменты).

«Я не сомневаюсь в добрых намерениях Грегуара, но я полагаю, что его речь может принести много вреда. Поэтому я требую перехода к порядку дня».

Предложение Лежандра было принято, как гласит отчет о заседании 1 нивоза, среди сильнейших аплодисментов всего зала.

Но если таким образом предложение Грегуара встретило сопротивление огромного большинства Конвента, то нашлись все

же некоторые единичные депутаты, которые его поддержали. Так, тарнский депутат Терраль выпустил брошюру, в которой доказывал, что декадные праздники не должны составлять единственного культа, допущенного для публичного оказательства; такого же мнения придерживался и другой депутат Буассье, который в изданной им брошюре называл декадные праздники наследством Робеспьера, Шометта, Эбера и т. д.¹ А видный деятель «болота» Дюран-Мальян в выпущенной им в то же время брошюре «Мнение о декадных праздниках» выступал еще более резко. «Пора уже отказаться, — писал он, — от надежды разрушить католицизм, имеющий за собой восемнадцать веков традиции и опыта. Даже если изгнать или сжечь священников, из их пепла все равно вырастут новые, разве только до этого времени кончится долготерпение верующих. Мы живем в стране, три четверти с лишним огромного населения которой не знают и не хотят другой религии... Французская нация опозорила бы себя, если бы она основала строй без религии или, вернее, если бы она разрушила все религии для основания такового»².

Значительно сильнее, однако, чем среди членов Конвента, было в это время настроение в пользу свободы культов среди широких масс. Мы видели в свое время, что даже в эпоху христианизации широкие массы городского и особенно сельского населения оставались привязанными к католицизму, и само собой разумеется, что в эпоху термидорианской реакции соответствующие настроения могли только окрепнуть. Так, например, в полицейском рапорте о настроении Парижа от 28 плювиоза III года (15 февраля 1795 г.) мы встречаем описание следующей любопытной сцены:

«Рассказывают, что вчера, около двух часов дня, около Пон-Турнан значительное количество граждан собралось вокруг оратора, говорившего о свободе культов... причем он между прочим доказывал полезность католической религии. Когда один из слушателей сделал оратору несколько замечаний об опасностях, связанных с такими рассуждениями, он ответил личными нападками и сарказмами, которые чуть не довели дело до потасовки».

Как показывает эта характерная сценка, среди народных масс наряду со сторонниками восстановления католицизма имелись в это время и решительные противники такового. Однако, невзирая на это последнее обстоятельство и даже на уже известное нам настроение конвентского большинства этой эпохи, общие успехи политической реакции к началу 1795 г. были уже столь значительны, что во многих местах Франции оказалось возможным открытие церквей и возобновление церковной службы. Первый шаг в этом направлении был сделан Грегуаром, в епархии которого — департаменте Луар и Шери — католический культ

¹ Матьез, стр. 179.

² Там же, стр. 178—179.

стал отправляться уже в нивозе. За этим департаментом последовали некоторые другие, а также и Париж, и поэтому неудивительно, что в номере правой «Французской газеты» от 1 вантоза (19 февраля 1795 г.) мы находим следующую заметку:

«Париж, 30 плювиоза. Наконец-то здесь начинают чувствовать благоденствие закона о свободе культов. Уже несколько дней, как в нескольких местах Парижа и окрестностей совершаются мессы, на которых присутствуют преданные католической религии люди. Незаметно, чтобы эти религиозные акты вызывали какое бы то ни было возбуждение среди народа, который будет всегда спокойным, честным и законопослушным, если только ему позволят удовлетворять требования его совести. Говорят, что и в департаментах некоторые коммуны вернулись к исполнению своего прежнего культа; при этом, что особенно делает честь мирно собирающимся в своих храмах гражданам, это то, что они по слухам категорически отказываются принимать тех из их бывших священников, которые покрыли себя позором, публично отрекшись от учения, которое они ранее пропагандировали как божественное».

Но если в этой заметке речь идет только о восстановлении «конституционного», т.е. присяжного католического культа, то в эти же первые месяцы 1795 г. начинается и возвращение во Францию неприсяжных священников, что особенно заметно сказывалось в пограничных департаментах. «Уже начиная с декабря 1794 г., — рассказывает Матьез, — неприсяжные священники в департаменте Дубс были настолько многочисленными, что конвентский комиссар Пеллетье предписал для их ареста произвести поголовные обыски. Однако эти репрессивные меры не дали никакого результата, ибо назначенные им же самим взамен старых новые власти в большинстве своем были соучастниками неприсяжных священников. Муниципалитет маленькой коммуны Вуалан отказался причять присланного учителя, так как его пришлось бы поместить в доме священника и таким образом коммуна лишилась бы надежды получить такового. В этой коммуне церковь по воскресеньям оставалась открытой и в ней совершалась так называемая слепая месса, т.е. месса без священника и без жертвоприношения. Множество таких же месс совершалось и по всей остальной Франции»¹.

Каково же было отношение к этим событиям со стороны Конвента? 18 нивоза он, по предложению Мерлена из Дуэ, принял, правда, постановление о предании суду на основе существующих законов всех возвратившихся во Францию эмигрантов и священников, но мероприятие это было декретировано лишь после ожесточенных споров² и было уже одним из последних ударов

¹ Матьез, стр. 179—180.

² Мы не воспроизводим этих споров, так как во время их о священниках говорилось лишь мимоходом, а главным предметом дискуссии был вопрос об эмигрантах.

Конвента этого периода его деятельности, направленных против католицизма. И причиной тому была не только вообще крепнущая с каждым днем реакция, но и специальная политика, усвоенная в это время Конвентом в отношении Вандеи.

Не касаясь здесь, само собой разумеется, отдельных перипетий той длительной и бесперебойной войны, которую республиканской Франции в 1793—1794 гг. пришлось вести с контрреволюционной Вандеей, мы должны лишь отметить то обстоятельство, что невзирая на то, что целиком вандейской контрреволюции подавить в это время не удалось, все же та грозная опасность, которую Вандея одно время представляла для Республики, была в основном и главным ликвидирована уже к концу 1793 г. И нет никакого сомнения в том, что то, что якобинскому правительству удалось в относительно краткий срок достигнуть этих результатов, объясняется двумя причинами: 1) тем, что война с Вандеей была действительно народной войной, в которой принимали участие широчайшие массы революционной демократии, и 2) тем, что в своей борьбе с вандейцами якобинская диктатура не останавливалась перед широчайшим применением красного террора.

Вряд ли требуется доказывать, что оба эти момента, обеспечившие правительству Робеспьера его победы над вандейцами, были одинаково неприемлемыми для термидорианцев. И поэтому неудивительно, что поставленный перед альтернативой применения этих мер или капитуляции перед вандейцами, термидорианский Конвент должен был неизбежно решиться на капитуляцию.

Программа термидорианского правительства по вопросу о Вандее была с полной ясностью провозглашена уже в докладе, сделанном Национальному Конвенту 11 фримера (1 декабря 1794 г.) от имени Комитета общественного спасения Карно. Вот важнейшие места этого доклада:

«Граждане, я являюсь от имени вашего Комитета общественного спасения, чтобы обратить ваше внимание на несчастные местности, столь долгое время опустошаемые шуанами и вандейскими разбойниками. Эта война, правда, не представляет сейчас чего-либо угрожающего для свободы, но ее тем не менее нельзя считать оконченной, и приходится опасаться, что театр этой кровопролитной войны, так же впрочем, как и театры всех гражданских войн, может остаться во власти мерзавцев, которые в течение долгого времени будут нарушать покой граждан. Мы уже приняли меры, наиболее пригодные для окончания этой войны. Дисциплина и активность восстановлены в армии; вожди, известные своими способностями, гуманностью и бескорыстием, заняли место тех, кого обвиняют в том, что их варварство превзошло варварство тех разбойников, с которыми они должны были сражаться... Но для того, чтобы эти меры могли быть эффективными, к ним, по мнению вашего Комитета, необходимо присоединить

еще и меры морального характера, принять которые может один только Национальный Конвент...

... Уже сделанные конвентскими комиссарами опыты соединения системы мягкости с системой силы и дисциплины дали самые лучшие результаты, и все заставляет предполагать, что если Национальный Конвент провозгласит прощение всех обманутых людей, которые осознали свои ошибки и стремятся ныне возвратиться в лоно Республики, он быстро добьется столь долгожданного конца тех бедствий, которые нас раздирают и которые составляют последнюю надежду наших врагов» (курсив наш. З. М.).

В полном соответствии с этими принципами Конвент уже на следующий день, 12 фримера, принял обращение к вандейцам, а также декрет, главнейшая статья которого гласила:

«Все лица, известные в округах Запада и, на побережьях Бреста и Шербурга под названием вандейских мятежников и шуанов, которые положат оружие в течение месяца со дня опубликования настоящего декрета, не будут в будущем подлежать наказанию за их восстание».

Основываясь на этом декрете, а также и на выраженном Конвентом 27 нивоа (16 января 1795 г.) пожелании о скорейшем заключении мира с вандейцами, конвентские комиссары при вандейской армии, а также и генералы этой последней, затеяли с вождями вандейцев переговоры, принявшие довольно длительный характер. Наконец, в результате этих переговоров между обеими сторонами было достигнуто 29 плювиоза (17 февраля 1795 г.) соглашение, в силу которого вандейцы не только получали полное прощение, но им даже возвращались конфискованные у них имущества и обещалась материальная поддержка для восстановления их пострадавших от войны хозяйств. Более того, Вандея получила отныне специальные льготы, важнейшей из которых являлось создание в ней особых воинских отрядов, не могущих быть выведенными за ее пределы¹. Кроме того в результате переговоров с вандейцами конвентские комиссары при вандейской армии издали следующее постановление:

«Принимая во внимание, что департаменты Запада в течение двух лет разорялись губительной войной и что раздиравшие их беспорядки имели своей причиной закрытие церквей и невозможность мирного отправления какого бы то ни было культа...

«Комиссары постановляют:

«Ст. 1. Каждый человек и каждое объединение граждан могут свободно и мирно отправлять обряды своего культа.

«Ст. 2. Частные лица и служители какого бы то ни было культа не могут подвергаться преследованиям или гонениям за свободное и мирное внутреннее отправление их культа»².

Само собой разумеется, что, провозгласив полную свободу культов для Вандеи, Конвенту не оставалось ничего иного, как распространить ее и на всю остальную Францию. Поэтому уже через четыре дня после соглашения с вандейцами, а именно 3 вангоза (21 февраля 1795 г.), поднявшийся на трибуну Конвента представитель «болота» Буасси д'Англа, сделал от имени Комитетов общественного спасения, общей безопасности и законодательства доклад, в котором предлагал издать новый закон о культах.

Доклад Буасси д'Англа исключительно характерен для представителя «новой» буржуазии. Бичуя в нем католическую религию едва ли не в столь же резких выражениях, как это в свое время делали дехристианизаторы, докладчик, правда, выступает сторонником полной свободы религиозных культов, но делает это исключительно только из практических соображений, а вовсе не из сочувствия католицизму. Таким образом мы видим, что если «новая» буржуазия весной 1795 г. и оказывается вынужденной сделать католической религии некоторые уступки, то делает она это неохотно и скрепя сердце.

Буасси д'Англа начал свой доклад с указания на то, что свирепствующая во Франции религиозная борьба является результатом махинаций внешних врагов Республики. «К волнениям, порожденным той непонятной борьбой, которая все еще ведется между подлинными республиканцами и факцией кровоопийц (т. е. сторонников павшего режима якобинской диктатуры. Я. М.), они хотят еще присоединить и раздоры, поводом для которых является религия. Они смеют наносить XVIII веку оскорбление, заключающееся в том, что они верят, что этот век может быть запятан религиозной войной; они настолько полагаются на непостоянство человеческого разума, что допускают возможность, что люди, с такой храбростью боровшиеся за сохранение своих священных прав, согласятся бороться из-за каких-то химер!»

«Но, как бы то ни было, письма наших коллег, находящихся в миссиях в департаментах, а равно и меры, которые некоторые из них оказываются вынужденными принять и которые сильно разнятся друг от друга, создают опасный разнобой в одном из наиболее важных вопросов всего нашего политического законодательства. Доходящие до нас жалобы, обращенные к нам заявления, получаемые нами записки и в первую очередь необходимость выяснить, наконец, все наши принципы — все это толкает ваши объединенные комитеты на то, чтобы обратить ваше внимание на положение культов».

После этого вступления Буасси д'Англа обрушился с градом нападок на «религиозный фанатизм», который он обвинял в нетерпимости и постоянной поддержке королей. «Однако, — говорил он, — все же является неопровержимой истиной, подтверждаемой вековым опытом..., что восторжествовать над заблуждением

¹ «Монитор», т. XXIV, стр. 327.

² Де-ла-Горс, т. IV, стр. 45—46.

может один только разум и что, напротив того, вид эшафотов и костров только усиливает религиозный энтузиазм».

Исходя из этого принципа, Буасси д'Англа критиковал все революционное законодательство по вопросам религии и церкви. Основной ошибкой Учредительного собрания в этой области, — говорил он, — было то, что вместо того, чтобы провозгласить свободу культов и отделить церковь от государства, оно, напротив того, создало новую государственную церковь, «почти столь же обширную как и та, что оно разрушило». Еще хуже была политика дехристианизаторов, которые стремились «посредством преувеличения свободы вооружить против нас фанатизм и дух партийности... Таким образом возрожденная Франция представляла страшную картину религиозных преследований, и законодательство, которое должно было создать народ братьев, было осквернено эшафотами и проскрипциями».

От этого исторического обзора Буасси д'Англа перешел к изображению той политики в религиозном вопросе, которой следовало держаться в настоящем. «Граждане, — говорил он, — культ теперь изгнан из правительства, и он туда более не вернется. Вашим лозунгом в его отношении должна быть просвещенная терпимость, соединенная, однако, с полной независимостью... Наблюдайте за тем, чему вы не можете воспрепятствовать и упорядочьте то, чего вы не можете закрепить. Лишь в темных и пустынных местах, в которых религиозные люди прячутся от преследователей, они раскрывают свои души для тех мрачных страстей, которые погружают их в то состояние безумия и жестокости, которое называется фанатизмом. Религия так же нуждается в мучениях, как любовь — в препятствиях. Священник, который подвергается опасности ради исполнения своих обязанностей, пожинает все плоды своей смелости и в глазах обожающей его легкомысленной толпы представляется в виде существа, спящего самим богом. Опасайтесь же того, чтобы заставить исполнять с энтузиазмом в подземельях те самые обряды, которые в частном доме исполнялись бы с безразличием или даже со скукой. Пусть все религиозные церемонии будут настолько свободными, чтобы они перестали представлять какую бы то ни было ценность. Только это даст нашей полиции возможность беспрепятственно наблюдать за их преувеличениями и эксцессами. Пусть все то, что составляет церковную иерархию, будет лишено возможности возродиться в нашей среде в какой бы то ни было форме. Приравняйте к государственному преступлению все, что стремится восстановить столь мудро упраздненные вами религиозные корпорации; пусть среди нас не будет ни священников, как таковых, ни предназначенных для отправления культов зданий, ни храмов, ни дотаций; одним словом, уважая все убеждения, не дадим возможности возродиться какой бы то ни было секте. Культы, каковы бы они ни были, не будут пользоваться в ваших глазах каким бы то ни было предпочтением; вы не будете придерживаться одного

из них, преследуя все остальные. Рассматривая религию лишь как дело частных взглядов, вы будете игнорировать ее догматы; с сожалением взирая на ее заблуждения, вы вместе с тем предоставите каждому гражданину возможность по его желанию отправлять обряды той религии, которую он для себя избрал. Вы не допустите, чтобы какая бы то ни было религия наносила ущерб национальной собственности, втиралась в общество, чтобы узурпировать в нем какое бы то ни было положение или приковывала внимание народа к ее церемониям или ее празднествам.

«Общественные здания и памятники принадлежат государству и столь же мало являются отныне собственностью той или иной конгрегации, как и какого-либо частного лица. Вы не допустите, чтобы они являлись местом совершения каких-либо религиозных актов. Они не могут быть арендуемы какой бы то ни было сектой, ибо, предоставляя их одной из них, пришлось бы тем самым предоставлять их и всем остальным, и следствием этого явилось бы либо предпочтение, либо конкуренция, всю опасность которой нельзя не предусмотреть. Вы точно так же не потерпите, чтобы общественные дороги или площади загромождались какими-либо процессиями или похоронными шествиями; следствием этого были бы те же самые результаты, да кроме того в задачи правильного порядка входило бы требование избегать соборщ, могущих вести людей в заблуждение или усилить фанатизм.

«Ваше наблюдение должно распространяться и на мораль, господствующую в собраниях, предназначенных для отправления церемоний какого-либо одного культа. Эта мораль ни в коем случае не должна расходиться с законами государства и с принципами правительства; в хорошо организованной республике все должно быть направлено к достижению одной и той же цели, и нельзя допускать, чтобы кто бы то ни было мог составлять заговоры против нее. Возмутительные возгласы должны одинаково наказываться, все равно, исходят ли они из уст священников, последователей сект, фанатиков или сторонников побежденных нами факций».

Такова политика, применение коей, если оно будет вестись одновременно с распространением просвещения, приведет, полагает Буасси д'Англа, к скорому исчезновению фанатизма. «Недалеко то время, когда будут узнавать лишь для того, чтобы их презирать, эти абсурдные догматы, порожденные заблуждением и страхом, и влияние коих на человеческий род было всегда столь смертоносным. Недалеко то время, когда люди будут руководствоваться одним только стремлением к истине; они будут добры, потому что будут счастливы, и будут счастливы потому, что будут свободны».

«Скоро уже религией всего мира станет религия Сократа, Марка Аврелия и Цицерона, и нам будет принадлежать слава того, что мы содействовали этому своей мудростью. Наши национальные празднества и наши республиканские институты укрепят и ускорят действие тех священных принципов морали, которые мы

хотим вписать в человеческие сердца. Но чем благодетельнее и сладостнее будет эта политическая религия, тем более должны мы избегать того, чтобы запятнать ее преследованиями и несправедливостями.

«Прислушайтесь к голосу разума, который говорит нам, что одно только время, успехи просвещения и прогресс человеческого разума способны уничтожить все предрассудки...».

По окончании своего доклада Буасси д'Англа от имени тех же самых трех комитетов предложил проект декрета, который с незначительными поправками был принят в том же самом заседании 3 вантоза. Окончательный текст этого декрета гласил:

«Национальный конвент, заслушав доклад своих объединенных комитетов общественного спасения, общей безопасности и законодательства, декретирует:

«Ст. 1. Согласно ст. 7 декларации прав и ст. 122 конституции, свобода отправления какого бы то ни было культа не может быть нарушена.

«Ст. 2. Республика не оплачивает ни одного культа.

«Ст. 3. Она не предоставляет зданий ни для отправления культа, ни для помещения его служителей.

«Ст. 4. Церемонии всех культов запрещаются вне помещений, предназначенных для их отправления.

«Ст. 5. Закон не признает никаких служителей культов; никто не имеет права появляться в общественных местах в одеяниях, украшениях или костюмах, предназначенных для религиозных церемоний.

«Ст. 6. Все собрания граждан для отправления какого бы то ни было культа подлежат надзору установленных властей. Этот надзор заключается в мерах полиции и общей безопасности.

«Ст. 7. Никакие отличительные знаки какого бы то ни было культа не могут быть помещены в общественных местах ни снаружи их, ни каким бы то ни было другим образом. Никакие надписи не могут указывать на предназначенные для отправления культа помещения; не допускаются какие бы то ни было публичные призывы или приглашения граждан для участия в отпадении культа.

«Ст. 8. Коммуны или секции коммун, как таковые, не могут приобретать или сдавать помещения для отправления культа.

«Ст. 9. Не допускаются какие бы то ни было постоянные или пожизненные дотации, ни какие бы то ни было сборы для покрытия издержек культа.

«Ст. 10. Все препятствующие какими-либо насильями отпадению церемоний какого-либо культа или оскорбляющие его объекты подлежат наказанию согласно законам исправительной полиции.

«Ст. 11. Закон второй санкюлотиды II года о церковных пенсиях остается в силе, и все его предписания подлежат точному исполнению.

«Ст. 12. Все декреты, постановления коих противоречат настоящему закону, отменяются».

Таков знаменитый закон 3 вантоза III года, восстановивший во Франции свободу религиозных культов. Как сами диспозиции этого закона, так в особенности предшествовавший его принятию доклад Буасси д'Англа, с несомненностью показывают, что, допускаемая в силу этого декрета легальное возобновление католического культа, невзирая на декрет 16 — 18 фримера II года, фактически прерванного с осени 1793 г., господствовавшая в этот момент внутри Конвента «новая» буржуазия сделала это с явной неохотой и всячески старалась урезать предоставлявшуюся ею культам свободу. Отсюда постановление декрета 3 вантоза о недопустимости аренды церквей, отсюда же его предписание о наблюдении полиции за религиозными собраниями. Однако, надеясь ограничить таким образом значение возрожденного к жизни католического культа и главное сохранить его под своим непосредственным наблюдением, «новая» буржуазия, или говоря точнее, ее политические представители упустили из виду, что если в Конвенте в этот момент они господствовали, то в стране наряду с ними отнюдь не меньшим весом пользовалась та «старая» буржуазия, политическими представителями которой были жирондисты. А из этого неизбежно вытекало, что уже очень скоро декрет 3 вантоза должен был на практике оказаться превзойденным и что все установленные им рогатки не могли сдержать грозного напора торжествующих церковников. Этому не в малой степени должно было содействовать еще и то обстоятельство, что, как это совершенно правильно подчеркивает Матьез¹, установленная декретом 3 вантоза свобода культов относилась, поскольку дело касается католицизма, не только к «конституционному», но равным образом и к неприсяжному культу. Это видно из того, что по принятии этого декрета депутат Удо под аплодисменты всего зала заявил, что только что декретированная свобода культов не может относиться к тем неприсяжным священникам, которые не принесли присяги на верность Свободе и Равенству. Из этого явным образом следует, что те неприсяжные священники, которые в свое время присягнули согласно декрету 14 августа 1792 года и в силу этого не подлежали ссылке, пользовались правом свободного отправления церемоний своего культа.

При таких условиях неудивительно, что декрет 3 вантоза вызвал значительную радость всех сочувствовавших католицизму элементов населения. В отношении Парижа это ясно видно из полицейских донесений. Так, в донесении от 4 вантоза мы читаем:

«Граждане, собравшиеся по окончании заседания Конвента в национальном саду, беседовали о только что принятом декрете о свободе культов. Все усматривают в этом декрете значительную

¹ Матьез, стр. 182.

мудрость и убеждены, что она произведет наилучшее впечатление во всех департаментах и в частности в департаментах запада».

А в полицейском донесении от 5 вантоза, характеризующем настроение общественного мнения, мы читаем:

«Декрет о свободе культов, основанный на декларации прав и на конституции, дает основание ожидать самых благоприятных результатов».

Такое же торжество вызвал декрет 3 вантоза и в правых органах тогдашней прессы.

«Вчерашний декрет о свободе культов, — писала уже цитированная нами «Французская газета» в своем номере от 5 вантоза, — вызвал сильнейшую сенсацию. Народ, всегда справедливый, если только кто-либо не заинтересован во введении его в заблуждение, встретил его взрывом восторга... Национальное воспитание, в течение трех лет оставленное в тени, несомненно испытает на себе влияние этой благоприятной метаморфозы, и школьные учителя и учительницы, которые перед своими учениками не смели произнести имени бога, смогут теперь внедрять в них религиозные принципы, без которых отдельный человек может быть только разбойником, а целая нация — лишь бандой мерзавцев».

А другая правая газета — «Республиканский курьер» — в своем номере от того же числа писала:

«Декрет, возвращающий французам, если можно так сказать, свободу совести, должен быть причислен к наилучшим из принятых за последнее время мер. Да будет воздана хвала всем тем, кто создал этот спасительный декрет, или, говоря вернее, вернул людям право, которое никакая власть не имела права у них отнять. Наконец-то несчастным будет дана возможность иметь надежду и обращать свои мольбы к тому, кто один только может дать счастье».

Естественным и немедленным результатом декрета 3 вантоза явилось открытие многочисленных католических церквей или, говоря точнее, молелен, ибо, как мы видели, церкви в силу этого декрета культам не передавались даже за плату. В отношении Парижа многочисленные свидетельства о том, что открытие католических молелен последовало немедленно же после 3 вантоза, дают уже неоднократно цитированные нами полицейские донесения; приведем главнейшие из них.

11 вантоза полицейский инспектор Деригюае сообщает, что «вчера в бывшем монастыре Маглуар, в котором в настоящее время находится учреждение для глухонемых, была совершена месса, в которой участвовало около ста человек. Инспектору удалось пробраться туда только хитростью, ибо его сначала отказались впустить; согласно его донесению, священник перед началом службы произнес небольшую речь о восстановлении культа и любви к богу и ближним. В общем служба прошла без скопления

народа на улице и при полном спокойствии и порядке внутри здания».

На следующий день, 12 вантоза, полицейский рапорт гласит, что «вчера в доме Франсуа, в секции «Вооруженного человека», было совершено несколько месс и других католических служб. Эти религиозные церемонии прошли в полном спокойствии. В некоторых других местах имели место вызванные той же причиной собрания. В виду того, что закон о свободе культов ставит религиозные общества так же, как и все остальные, под наблюдение полиции, мы считаем своей обязанностью предупредить граждан, желающих организовать эти различные общества, что они обязаны сделать предварительное заявление об этом полиции».

17 вантоза полицейские наблюдатели Ноэль, Бюиссон и Муллине сообщают, что «католическая служба происходит в Сен-Франсуа, на улице бывшей Орлеанской в Марэ и на улице Биллетт в церкви бывшего монастыря кармелитов. Эта служба совершается с теми же церемониями, что и в прежнее время. При этом царит величайший порядок».

На следующий день, 18 вантоза, мы в полицейском рапорте читаем: «Свобода культов производит благотворное влияние на общественное мнение. Религиозные ассоциации пользуются декретом для открытия во многих местах своих храмов; до сих пор, по всем сообщениям, при этом царит полный порядок и пристойность».

Кроме полицейских донесений, мы находим многочисленные рассказы об открытии церквей и в прессе этого времени. Так, например, во «Французской газете» от 19 вантоза мы находим следующую заметку:

«Париж, 18 вантоза. Сегодня воскресенье; во многих кварталах Парижа мы встречаем закрытые магазины; в нескольких церквях была совершена месса, собравшая многих богомольцев и любопытных... Что особенно знаменательно, это то, что хвосты у дверей церквей не кажутся никому более странными, чем хвосты у дверей булочных; это заставляет предполагать, что даже для парижан месса является предметом первой необходимости».

На следующий день, 20 вантоза, «Газета Перле» сообщает: «Во многих частях Парижа пользуются свободой культов, провозглашенной одним из последних декретов Конвента. Некоторые церкви открыты и в них отправляется католическая служба, собирающая много народу».

Аналогичная заметка содержится в номере «Всемирного освободителя» от 24 вантоза:

«Париж, 23 вантоза. Восстановление культа приводит к тому, что воскресенья становятся заметными столь же и даже более, чем декады, не связанные ни с привычками, ни с какими-либо гражданскими, моральными или религиозными установлениями... Наши церкви недостаточно обширны, чтобы вместить всех, желающих слушать мессу».

Если все эти цитаты достаточно ярко показывают, каким образом закон 3 вантоза был использован католиками в Париже, то для провинции любопытные данные представляют корреспонденции, содержащиеся в газете «Религиозные анналы». Так, из Шалона на Марне 21 апреля 1795 г. пишут:

«Едва только декрет о свободе культов дошел до этого города, как стремление получить помещение, пригодное для отправления службы, сделалось всеобщим. Несмотря на значительное количество этих помещений, они не могут вместить всех желающих, особенно по воскресеньям и праздникам; много людей стоят на лестницах, во дворах и даже на улицах»¹.

Помещенная в той же газете корреспонденция из Санса сообщает, что декрет 3 вантоза был оглашен там на улицах под звуки барабана и аплодисменты толпы. «Всем показалось, что они точно вышли из летаргического сна... Вчера, второе воскресенье великого поста... явилось точно днем воскресенья из мертвых. По всему городу работы были прекращены, и лавки были закрыты. Все с восторгом отправились в церковь св. Петра, двери которой были открыты обоими ее владельцами и которая была предоставлена ими для церковной службы. Первая месса была совершена в семь часов утра, а вторая — в восемь часов. Большая месса, отслуженная в половине десятого, была пропета особенно торжественно, причем ей предшествовало исполнение Veni Creator. Не перестававшие весь день снег и дождь не могли остановить энергии граждан. Желающих было так много, что в 11 часов пришлось совершить четвертую мессу»².

Хотя все эти сведения и исходят из явным образом пристрастных церковных или правых источников, однако они вряд ли особенно преувеличены. Нам уже неоднократно приходилось указывать, насколько широкие массы того времени были настроены религиозно и поэтому неудивительно, что декрет 3 вантоза смог быть широко использован церковниками. Вполне понятно, что при таких условиях эти последние постарались прежде всего восстановить свою внутреннюю организацию и уже 22 вантоза епископ Грегуар опубликовал пастырское послание к духовенству своей епархии. А через три дня после этого, 25 вантоза, собравшиеся в Париже пять конституционных епископов обращаются к своим коллегам с энцикликой, в которой они, приветствуя отделение церкви от государства, намечают основы новой церковной организации во всем, кроме связи с государством, весьма напоминающей положение, существовавшее при действии закона о гражданском устройстве духовенства³.

Однако, невзирая на такое широкое использование декрета 3 вантоза церковниками, он все же казался им недостаточным,

поскольку не предоставлял церкви помещений для совершения ее обрядов. Правда, в ряде департаментов местные власти сами шли в этом отношении навстречу церковникам, но это, конечно, не могло их удовлетворить. Поэтому уже немедленно вслед за изданием декрета 3 вантоза начинается агитация в пользу пересмотра его в соответствующем направлении, а та новая, сильнейшая волна реакции, которая захлестнула Конвент после жерминальского и прерриальского восстания¹, представляла, само собой разумеется, крайне благоприятную почву для удовлетворения этого желания церковников. Кроме того, в результате последовавшего к этому времени изгнания из Конвента почти всех левых термидорианцев вернувшиеся в Конвент жирондисты приобрели там весьма большой удельный вес, и это обстоятельство в самой значительной степени определило отличительные черты нового декрета о культах, изданного 11 прерриала (30 мая 1795 г.).

Принятию декрета 11 прерриала предшествовал доклад, сделанный от имени комитетов общественного спасения, общей безопасности и законодательства недавно возвращенным в состав Конвента жирондистом Ланжюинэ. Вот этот доклад:

«Я являюсь от имени комитетов общей безопасности, общественного спасения и законодательства предложить вам проект декрета, который они обдумывают уже в течение нескольких декад, и принятие которого при настоящих обстоятельствах представляется им столь же важным, сколь и спешным.

«Речь идет о том, чтобы обеспечить и облегчить свободу культов, все еще ограничиваемую произвольными постановлениями, влиянием агентов последней тирании, преувеличениями некоторых людей, отсутствием достаточно ясных законов и неуверенностью и страхом, все еще существующими в умах людей, хорошо помнящих о прошлом, но не знающих ваших мудрых законов.

«Некоторые специальные постановления, письма Комитета национальных имуществ и циркуляры установленных властей увековечивают систему преследований Эбера, Шометта, Россиньоля и других и обращают в преступление отправление культа в национальных зданиях, всегда служивших для этой цели. А между тем ведь только в этих зданиях граждане могут собраться без опасности для их здоровья и жизни и только в них религиозные общества могут быть действительно подчинены необходимому надзору полицейских властей.

«Враги свободы закрыли церкви для того, чтобы деморализовать и поднять народ. Их вандальские намерения слишком хорошо достигли своей цели; поэтому вашей обязанностью и вашим главным стремлением должно стать исправить происшедшие от этого различные несчастья.

«Не будем скрывать от себя, что есть три важные причины, все еще продолжающие отделять от нас и от Республики значи-

¹ A. Aulard, «La Convention et la separation de l'église et de l'état». «Etudes et leçons sur la Revolution Française», т. II, стр. 123.

² Там же, стр. 123—124.

³ Там же, стр. 125—127; Де-ла-Горс, т. IV, стр. 53.

¹ Об этих событиях см. П. П. Щеголев. «После термидора», гл. V—VI.

тельное число граждан, в число которых входят, в этом следует признаться, много честнейших республиканцев.

«На первое место среди этих причин я ставлю упразднение культов, произведенное от вашего имени помощниками и агентами Робеспьера, отличившимися при этом всевозможными насилиями, безумствами и яростью. Затем следует страшное падение ценности бумажных денег и отсутствие продовольствия.

«Для облегчения двух последних зол необходимы постоянные старания и заботы, но полное излечение в их отношении может быть только делом времени. Наоборот, что касается первого, то здесь вы можете в одну минуту и одним словом успокоить все еще взволнованные сердца и задуть те семена раздоров и беспорядков, которые замечаются повсюду и которые неизбежно повлекут за собой самые тяжелые последствия. Вы слишком долго заставляли себя бояться; теперь надо заставить себя полюбить. Верните культам не только номинальную, но и действительную свободу; средством для этого должно быть возвращение церквей для религиозных и гражданских потребностей граждан коммун и секций коммун.

«Есть целые департаменты, которые спокойно пользуются своими церквами, сокращенными до установленного декретами числа; в этих департаментах спокойствие и порядок царствуют и в городах и в селах, и одна только Республика имеет там сторонников. Таков в частности департамент Финистер. И наоборот, там, где атеизм произвел наиболее сильные опустошения, вспыхнули восстания, и они готовы снова возгореться там, где неосторожные люди, толкуя по своему ваш декрет 3 вантоза, держат храмы закрытыми и тем самым предоставляют гражданам лишь чисто мнимую свободу культов.

«Ваши декреты вернули временно храмы нашим введенным в заблуждение и одно время восставшим братьям из департаментов запада. Неужели же равенство и справедливость могут позволить более строгое обращение с департаментами и коммунами, которые все время сохраняли верность?»

«Кроме того невозможность следить за собраниями, имеющими место в отдельных комнатах, и крайняя легкость использования таковых для возбуждения фанатизма и возмущений должны были бы уже сами по себе заставить вас разрешить использование храмов для отправления культов. Наконец, и серьезные несчастные случаи, часто имеющие место в этих тайных собраниях религиозных обществ,—случаи, о которых сообщают вам установленные власти,—не могут не пробудить вашей гуманности. Есть коммуны, в которых во время религиозных собраний проваливались полы; в одном из таких домов в течение одного только дня оказалось 60 убитых и раненых.

«Таковы соображения (они бы могли быть сильно детализированы, если бы вы не были и так достаточно сведущи и здравомыслящи), в силу которых ваши комитеты убеждены, что разум,

равенство, справедливость, общественное мнение и здоровая политика в равной мере требуют открытия церквей в тех департаментах, в которых они все еще закрыты. Это несколько не помещает вам сохранить право собственности на эти здания за нацией подобно тому, как это имеет место со зданиями ратуш, также постоянно употребляемыми для нужд граждан. Впоследствии, если вы признаете это нужным, вы определите условия найма храмов; теперь же речь идет лишь о временном порядке вещей наподобие того, который вы уже декретировали для департаментов запада.

«Ваши комитеты предложат вам по вопросу о полиции культов специальный закон, проект которого ими в настоящее время обсуждается. Но они полагают, что следует теперь же запретить всякое отправление культа тем, кто не заявит публично о своем подчинении законам и правительству. Позор, что есть еще люди, от которых этого приходится требовать. Ваши комитеты полагают, что предлагаемые ими вам простые меры не могут быть долее откладываемы».

В заключение своего доклада Ланжюинэ предложил Конвенту следующий проект декрета:

«Национальный конвент, желая еще более укрепить свободное исполнение культов, декретирует:

«Ст. 1. Граждане коммун и секций коммун Республики получают временно возможность свободно пользоваться еще не отчужденными зданиями, обычно служащими для отправления одного или нескольких культов, и которыми они владели к первому дню II года Республики. Этими зданиями можно будет пользоваться под надзором установленных властей как для предписываемых законом собраний, так и для отправления культов.

«Ст. 2. Эти здания будут переданы в пользование означенных граждан в том состоянии, в каком они ныне находятся, с тем, что они обязуются их содержать и ремонтировать согласно своему усмотрению, но без права принудительного обложения.

«Ст. 3. Каждому из двенадцати округов Парижа¹ будет предоставлено лишь по одному зданию подобного рода. Не позднее следующей декады директория парижского департамента укажет эти двенадцать зданий, причем из бывших церквей должны быть выбраны те, которые директория признает наиболее подходящими с точки зрения их местоположения, размеров и состояния, в котором они находятся.

«Ст. 4. В случае, если граждане одной и той же коммуны или секции коммуны будут принадлежать к различным или почитаемым за таковые культам, причем как те, так и другие требуют предоставления им одного и того же здания, оно будет считаться находящимся в их общем пользовании. В этом случае му-

¹ Как известно, после 9 термидора единый парижский муниципалитет был упразднен и взамен этого Париж был разделен на 12 округов, в состав которых входило по 4 секции.

ниципалитеты, под надзором административных учреждений, установят для каждого культа наиболее подходящие дни и часы службы; а равно и определяют способы сохранения приличий и поддержания мира и согласия.

«Ст. 5. Никто не будет иметь права отправлять в означенных зданиях обрядов какого бы то ни было культа, если он не объявит перед муниципалитетом того места, где он намеревается отправлять службу, о своем подчинении законам Республики. Служители культа, нарушившие настоящую статью, а равно и граждане, которые их призовут или допустят, будут наказаны штрафом в размере тысячи ливров, взимаемых через исправительную полицию.

«Ст. 6. Муниципалитетам и административным учреждениям поручается исполнение настоящего закона, а генеральные прокуроры-синдики департаментов будут каждую декаду давать об этом отчет Комитету общей безопасности» (курсив наш. Я. М.).

Как ясно показывают подчеркнутые нами слова ст. 4, проект Ланжюинэ относился не только к священникам «конституционным», но равным образом и к тем неприсяжным священникам, которые в силу действовавшего в то время законодательства не подлежали ссылке. Как для тех, так и для других единственным условием их деятельности объявлялось заявление перед местным муниципалитетом о своем подчинении законам Республики, но это правило относилось лишь к священникам, желающим служить в общественных церквях. Что же касается до тех священников, которые ограничились бы службой в частных домах, то для них это заявление было необязательным. Кроме того, устанавливавшееся проектом Ланжюинэ наказание за нарушение правила о необходимости этого заявления было столь незначительным, что фактически вся соответствующая часть декрета была неизбежно осуждена оставаться на бумаге.

При таких условиях неудивительно, что проект Ланжюинэ, встреченный в общем Конвентом вполне благожелательно, вызвал, как рассказывает отчет о конвентском заседании 11 прериаля, свистки на трибунах для публики. В ответ на это Конвент постановил арестовать виновных в этом лиц, а затем начались прения, причем единственной статьей проекта Ланжюинэ, вызвавшей возражения, была ст. 5.

С критикой этой статьи выступил представитель «болота» Жениссье. «Мне кажется,—заявил он,—что, поскольку какой-либо культ разрешается и охраняется, нет основания бояться исполнять его публично. Поэтому те, кто после издания предложенного нам декрета, стал бы прятаться для отправления таинств или проповедывания учения своего культа, могут быть не без основания заподозрены в том, что они хотят втайне проповедывать против свободы и призывать к восстанию против установленного режима и властей... Поэтому я требую, чтобы слова «в означенных зданиях» были вычеркнуты».

С ответом Жениссье выступил знаменитый юрист, также представитель «болота», Камбасерес. «Конечно,—говорил он,—доводы Жениссье весьма убедительны, но не менее важно предупредить возможность инквизиторских вторжений в жилища граждан. Общественным властям нечего делать у человека, который не нарушает общественного порядка; кому какое дело до того, каким образом молится то или иное лицо? Надзор представителей закона должен начинаться лишь тогда, когда образуются бунтовщические собрания». На этом основании Камбасерес требовал отклонения поправки Жениссье.

Несмотря на то, что Жениссье выступил вторично, а также невзирая на поддержку, оказанную ему другим, не названным в отчете депутатом, большинство Конвента согласилось с поддерживавшим предложенную им первоначальную редакцию Ланжюинэ, и в том же самом заседании 11 прериаля предложенный тремя комитетами текст декрета был принят без всяких изменений. А для того, чтобы касательно его смысла не могло возникнуть каких бы то ни было сомнений, комитет законодательства выпустил 29 прериаля инструкцию, в которой разъяснял, что гражданское устройство духовенства отныне отменено и что Конвент не намеревается каким бы то ни было образом ограничивать провозглашенного им принципа свободы культов. При этом специально подчеркивалось, что требуемое законом 11 прериаля заявление о подчинении законам Республики не имеет ничего общего с прежней присягой и что оно требуется от священников не как от таковых, а лишь как от граждан¹.

Это толкование закона 11 прериаля получило дальнейшее развитие в постановлениях многих конвентских комиссаров. Так, например, оперировавший в департаменте Жиронды правый термидорианец Бессон заявил, что он не видит каких-либо оснований не допускать «всех оговорок, которые служители различных культов могут сделать для защиты свободы их мнений; оговорки эти вполне соответствуют духу закона 11 прериаля, который стремится к тому, чтобы свобода культов была полной и неограниченной». В таком же духе высказался и оперировавший в Ильи-Вилене жирондист Грено². Таким образом Конвент и его представители не упустили ни одного случая указать, что декрет 11 прериаля предоставляет католическим церковникам полную свободу деятельности, и мы сейчас увидим, каким образом они ею воспользовались.

III

Мы видели выше, что еще после издания декрета 3 вантоза началось возрождение «конституционного» католического духовенства. Каковы же были в этот момент его настроения и политическая платформа?

¹ Де-ла-Горс, т. IV, стр. 66.

² Там же, стр. 67—68.

Мы полагаем, что платформу присяжного духовенства весной 1795 г. правильнее всего определить как право-термидорианскую. Связанное всем своим существованием с революцией и на шкуре своих попавших во власть вандейцев товарищей убедившееся, что значило бы для него восстановление старого режима, «конституционное» духовенство, само собой разумеется, не могло быть особенно склонным стремиться к контрреволюции. Вот почему содержащаяся в пастырском послании Грегуара 22 вантоза фраза о том, что отныне «одинаково страдающие от бурь корабли Республики и церкви будут идти в полном согласии друг с другом и вместе благополучно достигнут порта назначения»¹, может быть рассматриваема как типичная для всего присяжного духовенства. Однако готовое поддерживать республику в той форме, которую она приобрела весной 1795 г., т.-е. республику крупно-буржуазную, «конституционное» духовенство, подобно правым термидорианцам, горело жадной мести за испытанные им во время якобинской диктатуры невзгоды. В этом смысле чрезвычайно характерно, что оно категорически отказалось допустить в свою среду женатых священников, причем исключения не было сделано и для тех, которые клялись, что их брак оставался только на бумаге и что они не осквернили себя сожительство с женщиной².

Другим типичным примером настроения «конституционного» духовенства и его сторонников весной 1795 г. может служить их поведение во время пасхальных праздников. Вообще говоря, праздники эти были ознаменованы довольно торжественно и даже в Париже полицейский рапорт от 17 жерминаля отмечает, что «вчерашний праздник Пасхи привел к тому, что улицы, спектакли, трактиры и прочие общественные места были значительно более полны народом, чем обычно; значительное число лавок было закрыто». Однако, не рассчитывая на одну только религиозность парижского населения, духовенство со своей стороны приняло также кое-какие предупредительные меры, достойным образом коих может послужить то, что, по словам полицейского рапорта от 16 жерминаля, накануне Пасхи многие лавочники нашли у себя в дверях записки: «Все те, которые откроют завтра свои лавки, будут рассматриваться как якобинцы». Вряд ли есть необходимость пояснять, что это в то время означало!

Если так было настроено даже «конституционное» духовенство, то что же сказать о неприсяжных священниках, массой возвращавшихся в это время во Францию, невзирая на еще существовавшие направленные против них законы? Они, самочинно возвращаясь к исполнению своих прежних обязанностей, стали первым долгом вторично крестить и благословлять браки тех верующих, которые в свое время воспользовались услугами присяжных священников. Более того, они стали заново благословлять церкви,

потребовали удаления с кладбищ похороненных там присяжных священников и открыто проповедывали необходимость возвращения к старому режиму. «Их возвращение,—писал уже 21 февраля 1795 г. бомский дистрикт,—вызывает такую реакцию, что не присутствующие на их собраниях граждане подвергаются публичным оскорблениям»¹.

Опасность, какую представляли неприсяжные священники, была столь велика, что ее довольно быстро оценили не только правые термидорианцы, но даже и некоторые жирондисты. Это совершенно ясно сказалось во время обсуждения Конвентом 12 флореаля (1 мая 1795 г.) представленного ему объединенными комитетами общественного спасения, общей безопасности и законодательства проекта декрета, ст. 2 которого гласила:

«Все лица, которые, будучи сосланными, вернулись на территорию Республики, будут обязаны в течение месячного срока покинуть таковую. В случае нахождения их по истечении месячного срока с опубликования настоящего закона на территории Республики они будут наказаны так же, как и эмигранты».

Первым с критикой этого проекта выступил левый термидорианец Шарлие. «Ст. 2,—говорил он,—говорит лишь о сосланных священниках, но в намерения Конвента очевидно входит — не давать пощады и тем, которые были приговорены к ссылке. Поэтому я предлагаю изменить ст. 2 следующим образом:

«Сосланные и приговоренные к ссылке священники покинут территорию Республики».

Приблизительно в том же духе, что и Шарлие, критиковал представленный Конвенту проект правый термидорианец Марен:

«Необходимо сообщить Конвенту о том способе, которым многие священники пользуются для того, чтобы нарушать порядок в наших пограничных областях. Эти священники находятся в сношениях с нашими внутренними врагами и назначают им свидания где-либо на границе. Там всегда находится достаточное количество людей, соблазненных их уговорами. Фанатизировав их, они затем удаляются, но назначают свидание в другом месте, где действуют точно таким же образом. В случае применения к ним ст. 2, вы легко убедитесь, что ее цель не будет достигнута. Поэтому я предлагаю, чтобы подлежащие изгнанию из пределов Республики священники были сосланы в наиболее отдаленные углы их департаментов».

Не менее резким было выступление и левого жирондиста Ларевельера-Лепо. «Несомненно,—говорил он,—что неприсяжные священники являются наиболее опасными врагами Республики, и поэтому в их отношении никогда нельзя оказаться слишком осторожным. Ст. 2 касается лишь тех высланных священников, которые будут схвачены на территории Республики; я предлагаю распространить ее и на священников, приговоренных к ссылке и

¹ Олар, цит. ст., стр. 126.

² Там же, стр. 126.

являющихся тем более опасными, что они действуют под покровом тайны. Поэтому я предлагаю, чтобы эта статья гласила, что священники, приговоренные к ссылке и найденные два месяца спустя после опубликования настоящего декрета на территории Республики, будут рассматриваться как эмигранты и наказываться как таковые».

Еще важнее была поправка, предложенная правым термидорианцем Берлие:

«Как уже указал предыдущий оратор, главной причиной беспорядков являются усилия неприсяжных священников. Здесь говорили о сосланных священниках, но, граждане, не следует также терять из вида и тех, кто был приговорен к интернированию, т. е. тех, кто был изъят из закона о ссылке и благодаря своим седым волосам оказывает особое влияние на сельских жителей, этих славных людей, всегда преисполненных уважения к старости. Теперь все эти люди возвращаются в лоно общества и вызывают всевозможные беспорядки. Их возраст, делающий их более почтенными, делает их вместе с тем и более опасными. Граждане, в отношении их следует принять мудрые меры, совмещающие справедливость и гуманность. Те, кто отказался принять участие в общественном договоре и отверг наши законы, должны быть исключены из общества. В крайнем случае, ссылку для них можно заменить изгнанием, причем им можно оказать в то же время необходимую помощь. Таким образом проект ст. 2 не полон; я предлагаю принять его, но и обратить внимание на мои соображения.

«Я должен также заметить, что предлагаемые мною меры являются тем более необходимыми, что в настоящее время неприсяжные и присяжные священники своими раздорами не мало действуют усилению религиозных беспорядков. Но между теми и другими необходимо проводить строгое различие. Одни из них подчинились законам, другие же отказались это сделать. Закон должен быть равным для всех. Национальный конвент не будет нетерпимым, но он будет преследовать нарушителей порядка. Он не допустит, чтобы государство страдало от раздоров последователей какой бы то ни было религии.

«Я предлагаю, чтобы Конвент принял в этом отношении строгие меры. Повторяю, статья эта неполна, и я предлагаю, чтобы комитеты в трехдневный срок представили проект дополнительной статьи».

После непродолжительных споров предложение Берлие было передано на рассмотрение комитетов; что же касается до поправки Ларевельера-Лепо, то она вместе с основным текстом статьи была принята в том же заседании 12 флореаля. Таким образом неприсяжные священники получили грозное предостережение, и Конвент еще раз указал на необходимость соблюдения действовавшего в их отношении законодательства.

Однако, если декрет 12 флореаля мог иметь еще какой-нибудь смысл в момент его издания, то при новом взрыве реакции, наступившем во Франции после прериальских дней, он уже не мог оказаться не чем иным, как одним только клочком бумаги, и, как рассказывает Маллэ-дю-Пан, ни один неприсяжный священник в действительности не оказался в это время обеспокоенным¹. В силу этого на практике даже неприсяжные священники получили весной 1795 г. полную возможность не только возвращения во Францию, но и широкого участия в том контрреволюционном движении, которое весной и летом 1795 г. залило значительную часть Республики кровью огромного количества людей, не только хотя бы самым косвенным образом связанных с якобинской диктатурой 1793—1794 гг., но и просто известных в качестве сторонников нового порядка вещей. К истории этого белого террора 1795 г. и в частности роли, сыгранной в нем контрреволюционным католическим духовенством, мы сейчас и обратимся.

IV

Хотя было бы преувеличением утверждать, что термидорианский Национальный Конвент был сам непосредственным виновником белого террора, однако нет никаких сомнений в том, что именно деятельность Конвента подготовила и в значительной степени облегчила его возникновение. Начать прежде всего с того, что своим законодательством, направленным против «террористов» и «анархистов», или, иначе говоря, бывших участников якобинской диктатуры, Конвент как бы заранее наметил будущих жертв белого террора и главным образом поставил их в такие условия, при которых они оказались лишенными какой бы то ни было возможности самозащиты. Так, уже декретом 5 вантоза (23 февраля 1795 г.) Конвент предписал интернирование в коммунах их прежнего местожительства всех снятых с их должностей после 9 термидора «членов департаментских и дестриктных администраций и муниципалитетов, трибуналов как обыкновенных, так и революционных, народных или военных комиссий и всех вообще должностных лиц, агентов правительства, служащих администраций». А изданный после событий 12 жерминаля декрет 21 жерминаля, не ограничиваясь уже одними только должностными лицами, предписывал разоружение по всей Франции всех людей, «относительно которых в их секциях известно, что они принимали участие в ужасах, совершенных тиранией, предшествовавшей 8 термидора».

Если таким образом не кто иной, как сам Национальный Конвент наметил круг будущих объектов белого террора, то он же создал и его субъектов. В этом смысле особенно большое значение имел декрет 22 жерминаля (11 апреля 1795 г.), отменивший все судебные приговоры против жирондистов и разрешивший возвращение во Францию всех эмигрантов — участников жирон-

¹ Матъез, стр. 185.

дистских восстаний 1793 г. Массами хлынувшая во Францию для возвращения своих ранее конфискованных, но теперь возвращенных в силу того же декрета 22 жерминаля имуществ, эта категория эмигрантов по вполне понятным причинам горела жаждой мести в отношении своих бывших преследователей, и именно она составила основной кадр деятелей белого террора, объединившись в специальные «компании Иисуса» или «компании Солнца». Вот почему главной ареной белого террора сделались именно те местности юга Франции, где летом и осенью 1793 г. происходили «федералистические», т.-е. жирондистские восстания.

Чрезвычайно любопытно, что эта виновность Национального Конвента в подготовке белого террора была признана в докладе, сделанном Мари-Жозефом Шенье 29 вандемьера (21 октября 1795 г.) от имени комитетов общественного спасения и общей безопасности. Как мы в свое время увидим, в этот период своей деятельности Национальный Конвент совершил довольно круговой поворот налево, и поэтому неудивительно, что объятые слишком поздним раскаянием термидорианцы были готовы признать в эту минуту многое такое, что ранее они бы с негодованием отвергли.

Обрисовав в начале своего доклада «ужасы» эпохи владычества Робеспьера, Шенье далее продолжал:

«За этой кровавой эпохой последовала бессмертная термидорианская эпоха, во время которой Национальный Конвент, возвратив себе ту силу, которой, казалось, он уже был лишен, вновь завоевал общественную свободу. В этот момент были повергнуты во прах и диктатура и децемвират; в эту эпоху слезы были высушены, тюрьмы открыты, эшафоты низвергнуты...

«...Каждый день этого времени ознаменовывался актами правосудия и благодетельными законами. Имущества осужденных были возвращены членам их семейств; прессе была возвращена ее свобода... мудрость перестала именоваться модерантизмом, а стремление к единству — федерализмом; таланты стали почитаться, торговля и искусства были возвращены к жизни; революционные убийцы были поражены мечом закона, а мирные патриоты стали уважаться. Наконец, Национальный Конвент оказался настолько великодушным, что он согласился забыть многие ошибки и даже преступления. Он поверил в раскаяние некоторых людей, которые в течение долгого времени проявляли себя в качестве врагов свободы. Эти новые республиканцы вступили в просвещенную среду старых патриотов, но лишь для того, чтобы их перебить; они восхваляли народное представительство, но делали это только для того, чтобы его уничтожить...

«Итак, через полгода после 9 термидора началась... эпоха, когда возродились надежды роялистов. Система великодушия и всепрощения, столь усвоенная Национальным Конвентом, вместо того, чтобы возбудить в этих сухих и омертвевших душах чувство благодарности, лишь озлобила их мстительность и укрепила их преступные намерения. Едва только получив свободу, эти

преданные друзья рабства обогрели кровью свою одежду отпущенных на свободу...

«Едва только вы справедливым декретом вернули в лоно их отечества мучеников свободы, вынужденных бежать для избежания проскрипций 31 мая, как тулонские эмигранты, примешивая свой позор к славе республиканцев, осмелились возвратиться в свою коммуну, которую они предали Англии. Едва только вы положили конец мнимо философскому бреду, осаде исповедан и нелепым сценам, во время которых старый фанатизм делал вид, что он поражен на смерть ударами не менее фанатичного, так как он стал преследователем, атеизма; едва только вы посредством мудрых законов восстановили религиозную свободу, как священники, специально посвятившие себя революции (т.-е. присяжные Я. М.), стали преследоваться своими «добродетельными» коллегами, а те (неприсяжные Я. М.), кого ваши законы подвергли изгнанию, стали возвращаться на территорию Республики в качестве единственных исповедников веры наших отцов.

«Через швейцарскую границу из дворов Рима, Вены и Лондона стали массами прибывать банды «угнетенных патриотов», направляющихся в наши города и села, чтобы открыто призывать к восстановлению монархии и убийству народных представителей, и все это — для вщей славы божией и блага Республики. И так как, к сожалению, всегда имеется значительное количество людей, которые за неимением взглядов позволяют увлечь себя словами, так как во время продолжительных глубоких революций наименования партий по очереди становятся прекрасными объектами для мести и проскрипций, — было создано название террористов, точно так же, как за два года до этого были созданы названия умеренных, федералистов и жирондистов. После того, как была создана эта новая рамка, оказалось чрезвычайно легким делом вставить в нее не только тех преступных людей, которые во имя свободы пролили на эшафотах невинную кровь, но равным образом и тех честных и смелых людей, которые боролись за свободу; всех тех кто любил революцию, и, наконец, даже почтенных мучеников 31 мая...

«... Одновременно с этим создались эти чудовищные общества, эти памятники человеческого бреда, как то «компании Иисуса», «компания Солнца» и т. д. Они являлись не чем иным, как притонами эмигрантов, сосланных священников и мерзавцев, готовых продать себя любой партии, лишь бы это давало возможность совершать преступления. И посредством этих гнусных ассоциаций, вооруженные кинжалами отчаявшийся роялизм и горящий жаждой мести фанатизм открыли на юге Республики эру длительной и обширной Варфоломеевской ночи...» (курсив наш. Я. М.).

Уже подчеркнутые нами фразы из доклада Шенье достаточно ясно показывают огромную роль, которую возвратившиеся неприсяжные священники играли наряду с эмигрантами, в той дикой вакханалии белого террора, которая весной и летом 1795 г.

залила весь юг Франции кровью сотен и тысяч «анархистов» и «террористов». В свое время мы видели, каким образом вели себя в Вандее апостолы «божественной любви» и «всепрощения», и поэтому нас вряд ли может удивить тот по меньшей мере странный способ, которым эти достойные преемники инквизиторов «платили добром за зло» и, получив удар по правой щеке, подставляли затем левую. Но даже отдавая целиком дань всем и так достаточно хорошо известным доблестям католической церкви, нельзя все же не подивиться той роли, которую ее «лучшие служители» — неприяжные попы сыграли в белом терроре 1795 года! Эта роль станет нам вполне ясной при ознакомлении с отдельными проявлениями белого террора; к этому ознакомлению мы теперь и перейдем.

Как и следовало ожидать, зная ту длительную контрреволюционную борьбу, которую Лион под командой монархиста Преси вел против войск Республики летом и осенью 1793 г., инициатором белого террора оказался именно Лион, где уже с начала 1795 г. свирепствовавшая повсеместно реакция приняла открыто монархические формы. Даже отнюдь не революционно настроенная газета «Монитор» в своем номере от 14 флореаля (3 мая 1795 г.) писала:

«Преси — в Лионе, где он занимает дачный дом недалеко от города. Роялисты стали в Лионе столь же наглыми и кровожадными, как и их предшественники и соучастники — террористы. Близится вторая контрреволюция... Генеральный штаб Преси освежен; в него допускаются только те, кто принимал участие в лионском восстании. Эмигранты массами прибывают в город»¹.

В Лионе, как и в других местах, основным организатором белого террора была «компания Иисуса», характеристику которой мы находим в докладе, сделанном Шенье Национальному Конвенту 6 мессидора (24 июня 1795 г.). «В Лионе, — говорил Шенье, — организовалась ассоциация негодяев, объединившихся в целях убийства. Эта компания, примешивая к резне религиозные идеи и прикрашивая свой роялизм словами о справедливости и гуманности, именуется «компанией Иисуса». Именно она осуществляет в этой коммуне террор, еще более сильный и всеобъемлющий, чем тот, который осуществляли Шалье и его кровожадные соучастники. Именно она, под предлогом наказания ужасов, совершенных разбойниками, действовавшими от имени народа, совершает еще более страшные ужасы от имени того же народа и Национального Конвента. Именно она призывает эмигрантов, облегчает их возвращение на территорию Республики, принимает их в свое лоно, внимает их преступным намерениям, осуществляет их гнусные планы, нарушает убежище домашнего очага, еще более священное убежище тюрьмы, открыто провозглашает свои проскрипционные списки и, обогрив свои руки кровью, громко похваляется

своими убийствами. Это она убивает не только действительных террористов, которые должны были бы быть наказаны трибуналами, но и под тем же названием всех тех, кто служил Республике на общественных постах или в частной жизни. Это она, наконец, эта гнусная компания, пляшет над трупами своих жертв и радуется при мысли о скором уничтожении всех патриотов и неминуемом восстановлении монархии, каковое составляет единственную цель ее стремлений, единственную задачу ее заговоров и единственную награду за ее преступления...

«Кто посмеет отрицать, что целью этой преступной ассоциации является низвержение республики и восстановление королевского деспотизма, когда это до очевидности явствует из всех признаков, показаний, писем и прочих доказательств, не исключая и чисто материальных; когда эти мерзавцы, тиранизирующие массу добрых граждан Лиона, не скрывают своих преступных намерений и когда удалось арестовать множество эмигрантов, которым они протезировали? Достаточно сказать, что Комитет общественной безопасности имеет в своих руках печать, которая должна послужить знаком объединения для лионских верноподанных. На этой печати имя Преси выгравировано рядом с именем Людовика XVII!» (курсив наш. Я. М.).

Если вспомнить, что автором этой характеристики является *правый термидорианец*, то делается само собой понятным, что в ней можно предполагать не столько преувеличение, сколько преуменьшение подлинного положения вещей. Таким образом мы можем считать установленным, что лионская «компания Иисуса», в которой наряду с эмигрантами было не мало и неприяжных церковников, наряду с лозунгом монархической реставрации действовала и под лозунгом реставрации религиозной (это показывает подчеркнутая нами фраза из доклада Шенье). А это, само собой разумеется, означает, что католическая церковь несет полную ответственность за все действия лионской «компания Иисуса».

Каковы же были эти действия? Для ответа на этот вопрос приведем рассказ, содержащийся в уже цитированной книге Матьеза «Термидорианская реакция»:

«Правительственные комитеты отправили в Лион народного представителя Гиацинта Ришо, слабовольного человека, который умел только обхаживать лионцев и стал назначать на все места бывших участников восстания. Под предлогом примирения партий, он заставил отпраздновать торжественный праздник по случаю декрета 13 плювиоза, снимавшего в Лионе осадное положение. Во время этого праздника были сожжены «роковые списки», которые, по его словам, «могли только увековечить раздоры». Однако уже на следующий день после этого праздника республиканцы, известные здесь под названием матевонов, стали подвергаться оскорблениям и нападениям на улицах, а некоторые были убиты и брошены в Рону... Патриот Ферне, бывший член револю-

¹ «Монитор», т. XXIV, стр. 345.

цинной комиссии в Оранже, был убит по пути в тюрьму членами «компании Иисуса», невзирая на то, что его сопровождал отряд из 8 жандармов, 20 гусар и 20 пехотинцев. Его труп был брошен в Рону. Затем были разодраны в клочья и брошены в Сону патриоты Сотемуш, Лафане, Бержере, Роба и т. д. В течение месяца ежедневно убивали по несколько матевонов. При этом, убивая мужчин, не щадили даже и их жен и дочерей. Члены «компании Иисуса», не найдя дома торговца картинами Ришо, схватили его 17-летнюю дочь, отвели ее в тюрьму и там убили. У дверей своей лавки была застрелена женщина Ру; под ударами убийц погибли женщины Таво, Жув и Жакоб. Не пощадили даже одну 70-летнюю женщину, которую бросили в Рону за то, что она высмеяла одежды мюскаденов. Трупы привязывали к первой попавшейся телеге, таскали по улицам и бросали в реку. Члены «компании Иисуса» опубликовали список, в котором в одном столбце были перечислены террористы, а в другом — жертвы осады...

«Завершением отдельных убийств явилось общее избиение в тюрьмах, происшедшее 16 флореаля. Когда накануне, 15 флореаля, трибунал приговорил к каторжным работам бывшего члена Революционного Комитета в Везе, торговца Этиена Бонно, то собравшаяся толпа стала протестовать и потребовала его смерти. На следующий день, 16 флореаля, члены «компании Иисуса» разбили на три группы, каждая из которых направилась к одной из тюрем. Они выломали двери и, несмотря на их отчаянное сопротивление, перебили политических заключенных. Всего было убито 99 человек, из коих 6 женщин»¹.

Лионские убийства явились сигналом к резне в целом ряде других местностей.

Так, в департаменте Луары имели место бесчисленные злодеяния, потрясающая картина которых содержится в следующем докладе, сделанном делегацией этого департамента Национальному Конвенту 29 вандемьера:

«Граждане-представители, ветераны 1789 г. и преданные друзья свободы считают своей обязанностью изложить здесь, в святилище законов, всю полноту истины. Неустрашимые республиканцы обязаны смелой рукой сорвать покров, вот уже полгода скрывающий от глаз народного представительства убийства, совершаемые в департаменте Луары бандами Иисуса...

«До каких пор, граждане-представители, пламя гражданской войны будет в департаменте Луары раздуваться роилизмом и питаться фанатизмом? До каких пор будет продолжаться резня? До каких пор чистые воды Луары будут окрашиваться реками французской крови?

«Обратите ваши взгляды на департамент Луары; дистрикты Монбризона и Сент-Этьена послужат вам примером кровавых сцен юга Франции.

«Первый факт. В дистрикте Монбризона шесть тысяч семейств рассеяны по лесам и вынуждены в этой чисто земледельческой стране прекратить уборку урожая и скрываться по логовищам животных, чтобы избежать меча убийц.

«Во втором — коммуна Сент-Этьена совершенно опустела: две тысячи рабочих оставили мастерские и мануфактуры; оружие, предназначенное для борьбы с тиранами коалиции, находится во власти пяти тысяч шуанов, состоящих под начальством адъютантов Преси и повсюду несущих лишь опустошение и смерть.

«Второй факт. В Монбризоне природа оскорблена, стыдливость нарушена, нравы поруганы. Только что разрешившихся от родов матерей семейств, добродетельных жен, девушек — всех их без разбора тащат к дереву свободы, бьют плетками из бычьих жил и выставляют нагими на поругание развратной молодежи.

«Третий факт. В двух коммунах Монбризона так же, как и в Сент-Этьене, был осуществлен план, намеченный в Марселе бандами Солнца. Тюрьмы, являющиеся для всех цивилизованных народов священным убежищем, были взломаны. Более того, входящий в эту гнусную банду сын швейцара одной из монбризонских тюрем, по окончании вакхической оргии в квартире муниципального чиновника, самолично открыл двери тюрьмы этим каннибалам, удовлетворившим свою ярость на двух найденных ими там жертвах. Вы задрожите от негодования, когда узнаете, что одним из объектов их варварской ярости оказался семидесятилетний старик. Несчастный просит дать ему полчаса, чтобы привести в порядок свои дела. «Ты и так достаточно долго жил, — отвечают ему, — мы дадим тебе отпущение грехов». В него выпускают шесть выстрелов из пистолета и разрубают его труп на куски. Картина заканчивается пьянством с ворами в помещении швейцара, где пьяные негодяи оскорбляют разрезанные обрывки тел и скелетов своих жертв.

«Четвертый факт. В Сент-Этьене совершению злодеяний этих разбойников не помешало даже дневное светило. 28 арестованных доставляются под возгласы «да здравствует Республика» на площадь Треиль, где их бесчеловечно расстреливают... Однако пролитая кровь не насыщает их безмерной жадности; еще четырнадцать жертв выводятся из тюрьмы и, приведенные на то место, где валяются трупы их товарищей, они подвергаются той же самой участи.

«Пятый факт. В Монбризоне человек, единственным преступлением которого является то, что он присяжный священник, стоит на пороге своего дома. Проходящая по улице банда Иисуса разбивает ему голову ударом сабли...

«Шестой факт. Во время одного из походов двум из захваченных ими трех несчастных удается спастись бегством. Тогда третьего связывают крест на крест и выпускают в него пятнадцать ружейных выстрелов...

¹ Матьез, стр. 222—224.

«Седьмой факт. «Компания Иисуса» располагала двумя пушками; кроме них, в коммуне Ферс было еще две пушки. Но ими могут завладеть мнимые террористы; поэтому дается приказ вывезти их оттуда и доставить в Монбризон. По пути, в коммуне Манье, отряд обращает внимание на хижину трактирщика, отца находящегося на фронте трех защитников отечества. Это преступление против шуанства, и оно заслуживает смерти.—Где твой муж?— спрашивают его жену.—В погребе.—К погребу подсказывают в ту самую минуту, когда он поднимается по лестнице; в него выпускают десять выстрелов и разрубают его на куски. Мозг его отдают свиньям, а кровь его лижут собаки».

Таковы лишь очень немногочисленные примеры ужасов белого террора и департамента Луары. Какую же роль играли в этом терроре неприсяжные церковники?

Ответ на этот вопрос мы находим в письме конвентского комиссара в этом департаменте Боннэ Комитету общественного спасения от 1 мессидора. «Здесь обращают в бегство и убивают террористов. Так же, как и в Лионе, делают это роялисты. Целый легион в 600 священников явился сюда, чтобы завладеть деревнями Верхней Луары... Эмигранты в Лионе и священники по всей стране действуют столь же свободно, как если бы они вернулись в свите короля... Убийства все еще продолжаются» (курсив наш. Я. М.).

Итак, как в Лионе, так и в департаменте Луары, именно неприсяжные священники наравне с эмигрантами являлись основными виновниками белого террора. Недаром организованные ими шайки убийц назывались «компаниями Иисуса»; кто посмеет отрицать, что их участники являлись вполне достойными носителями славных традиций отцов-иезуитов? И если некогда католическая церковь «ненавидела кровь» (этому, как известно, и обязаны своим возникновением аутодафе, составлявшие «бескровный» способ расправы с противниками), то к концу XVIII века этот стеснительный предрассудок был отброшен и члены «компаний Иисуса» без помощи светской власти своими собственными пистолетами и саблями расправлялись с наглыми «террористами», посмевшими поднять святотатственную руку на святую католическую, апостолическую и римскую религию!

Но не являлись ли Лион и департамент Луары исключением и не были ли в других местах юга Франции вернувшиеся туда «мученики религии» менее кровожадными, чем те, с подвигами которых мы только что ознакомились?

Возьмем Тулон, важнейшую крепость Средиземноморского побережья Франции, в котором летом 1793 г. произошло жирондистское восстание, на много месяцев отдавшее крепость во власть англичан. В первых числах прериала III года, т.е. одновременно с восстанием в Париже, в Тулоне произошло восстание местных матросов и рабочих. Это восстание было через несколько дней жесточайшим образом подавлено, а о том белом тер-

роре, который там затем воцарился, лучше всего может свидетельствовать то обстоятельство, что в это время дважды (6 прериала и 2 мессидора) «компания Солнца» вторглась в местный форт Тараскон и перерезала значительную часть находившихся там политических заключенных.

Для более подробного ознакомления с этими событиями приведем официальный протокол, составленный 6 прериала (25 мая 1795 г.) тарасконскими муниципальными властями:

«В шестой день прериала III года Республики в 1 час ночи к дверям арестного дома явился отряд, потребовавший открытия ему этих дверей. Предупрежденный часовым караульный начальник отправил к дверям добровольца, который спросил, кто там находится. Ему ответили, что это отряд республиканцев, конвоирующий арестованных. Доброволец, зная, что в течение ночи действительно должен прибыть отряд с арестованными, кликнул капрала и одновременно с этим открыл двери. Но каково же было его удивление, когда он увидел, что этот мнимый отряд состоял из людей в масках и каких-то странных костюмах! Он закричал: «К оружию!» Но эти люди, находившиеся в числе двух или трех сот... бросились на стражу, разоружили ее и заперли в караульном помещении, оставив ее под наблюдением хорошо вооруженных 50 человек, все время державших людей под дулом своих ружей и угрожавших открыть стрельбу при первом же произнесенном слове. Затем они взломали дверь в комнату тюремного инспектора и, связав его самого, завладели всеми ключами. Отсюда они направились в арестное помещение и осуществили свою цель, перебивши арестованных комнат №№ 2 и 3. Они их, повидимому, потопили, так как, обнаружив пятна крови, нам вместе с тем не удалось найти ни одного трупа. После этого они удалились, забрав с собой все оружие тюремной стражи...» (курсив наш. Я. М.)¹.

Мы потому подчеркнули то место этого рассказа, в котором говорится, что явившиеся в форт Тараскон убийцы были одеты в маски и маскарадные костюмы, что это дает нам полное право предполагать, что мы в данном случае имеем дело не с нанятыми убийцами, а с «людьми из общества», в число которых скорее всего входили эмигранты и неприсяжные священники. А для того, чтобы это наше предположение не могло показаться чересчур произвольным, приведем следующий отрывок из повествования представителя южных департаментов, рассказывавшего в заседании Конвента 27 вандембера о подробностях белого террора в Тарасконе:

«В Тарасконе казни происходили с неслыханным до этого дня варварством. На шоссе, ведущем из Тараскона в Бокер, были расставлены стулья. Они были заняты неприсяжными священниками, богомольными женщинами и возвратившимися эмигрантами.

¹ Бюшсе и Ру, Hist. parl. т. XXXVI, стр. 429.

Затем с верушки башни, не менее 200 футов вышины, 65 республиканцев были сброшены на скалу, о которую они разбились. Эта кровавая сцена все время сопровождалась аплодисментами. К каждому из трупов, которые затем были брошены в Рону, кинжалом было прибито по деревянной дощечке с надписью: «Запрещается хоронить под страхом смерти». Неудивительно, что собаки прибрежных пастухов в течение трех месяцев не отходили от берегов Роны» (курсив наш. Я. М.).

Этот же самый делегат рассказывал, что кюре местечка Барбантан был сброшен в реку со связанными руками и ногами только за то, что он являлся присяжным священником.

Резня в форте Тарасконе явилась сигналом к такой же резне в Марсельском форте Сен-Жан 17 прериаля. Наиболее характерным признаком этой резни было то, что она происходила не только с ведома, но и с полного одобрения местных властей и в особенности конвентского комиссара Кадруа, бывшего главным организатором марсельских «компаний Иисуса».

Для описания резни в форте Сен-Жан мы воспользуемся рассказом нескольких заключенных этого форта, случайно спасшихся в этот день от смерти:

«17 прериаля, между 4 и 5 часами дня, составленная из самых презренных элементов компания Солнца вторглась неизвестно каким образом в форт, имея во главе некоего Робена, сына трактирщика с улицы Бово. Вступив в форт, эти каннибалы поднялись к коменданту и оттуда послали купить большие бутылки водки и ликера: бутылки эти были розданы для ободрения тех, кто иначе, может быть, стал бы колебаться перед совершением намеченного преступления.

«Когда настала минута пролития крови, был дан общий сигнал. Главный сторож отдал без всякого сопротивления ключи, и убийцы направились к камере № 1. Эта камера была атакована, но когда убийцы увидели, что арестованные приняли меры самозащиты, они удалились и направились к часовне. Некий Али, владелец кофейни и член означенной компании, открыл двери камеры. Заключенных стали вызывать по списку. Многие из них уже вышли и погибли, когда гражданин Мишель Жоль из Аллоха увидел через открытую дверь убийство своих товарищей по несчастью и вступил в драку с палачами. Но его скоро загнали в угол и прикончили ударами сабель. После поражения этого республиканца с остальными справились в один миг. Спасти удалось только гражданину Ксавье Этиенну, земледельцу из Кастелэ и гражданину Ру, по прозвищу Тикаплан, из Аллоха, которые были загнаны выстрелами из пистолетов под кровать. Своим спасением они обязаны только тому искусству, с которым они изобразили мертвых.

«После этой первой победы убийцы напали на камеры №№ 4 и 5. Открывавшиеся снаружи двери этих камер скоро отдали во власть этих тигров несчастных патриотов, измученных непрерыв-

ным рядом страданий. Они все были перебиты, за исключением Этьена-сына и Сикара младшего, спрятавшихся под соломой и обязанных своим спасением какому-то доброму гению.

«После этого убийцы поднялись на самый верх. Им не удалось войти в № 7, а камера № 6 защищалась в течение нескольких часов. Гражданин Рено, веревочник, был убит; его зять Бо младший, сам опасно раненый, в течение долгого времени держался, чтобы его защитить. Гражданину Карри удалось вырвать из рук убийц топор. Как только роялисты заметили это оружие в руках заключенных, они подожгли камеру и отправились атаковать № 9, который они также подожгли через проломанные ими отверстия в двери...

«В то время как № 9 подвергался осаде, камера № 8, не имевшая никаких средств к сопротивлению, была перерезана целиком, и если бы не удачное сопротивление № 1, защищавшегося целые пять часов, все остальные камеры форта постигла бы та же самая судьба»¹.

Какова же была роль во всем этом деле неприсяжных священников? Если они и не принимали в только-что описанных убийствах прямого участия, то нет никакого сомнения в том, что они не только знали об их подготовке, но и руководили таковой. Доказательством этого служит следующий дальнейший абзац из того же самого только что цитированного нами рассказа:

«Мы закончим наше краткое описание пережитых нами страданий несколькими любопытными штрихами. Первый из них заключается в том, что два давно эмигрировавших неприсяжных священника по фамилии Жобер и Раймонне приходили в тюрьму и путем всяческих уговоров и угроз пытались уговорить находившегося там гражданина Эммануила Бессе, бывшего священника, отречься от своей присяги и отказаться от своей жены» (курсив наш. Я. М.)².

Мы не будем множить наших и так достаточно многочисленных примеров и рассказывать о проявлениях белого террора в других частях юга Франции, как то: Эксе, департаменте Эне и других местах. Того, что нами было рассказано и так более чем достаточно, чтобы показать, что массово хлынувшие во Францию весной 1795 г. ранее высланные или эмигрировавшие неприсяжные священники явились наряду с эмигрантами основной движущей силой той кровавой волны белого террора, которая весной и летом 1795 г. охватила юг Франции. Таким образом эти верные слуги римского престола так же, как в свое время их коллеги в Вандее, еще раз показали, чем является та католическая церковь, вожди которой с таким пафосом протестовали тогда против «тирании Робеспьера», а ныне негодуют по адресу мнимых «большевистских зверств». Тогда, как и теперь, католическая

¹ Бюше и Ру, т. XXXVI, стр. 449—451.

² Там же, стр. 451—452.

церковь так же, впрочем, как и все остальные церкви, являлась не чем иным, как надежнейшей опорой господствующих классов своего времени, и совершенные верными сынами этой церкви неслыханные по своей жестокости и по своему варварству зверствительности те «христианская любовь и всепрощение», которые якобы составляют основной догмат христовой религии и церкви!

V.

Каково было отношение Национального Конвента к разнухавшей весной и летом 1795 г. контрреволюционной деятельности непряжского духовенства вообще и «компаний Иисуса» в частности? Нам уже приходилось отмечать, что перьяльское восстание, давшее кораблю термидорианского Конвента сильный крен направо, не могло тем самым не привести к полному забвению на практике всего репрессивного закона 12 флореаля. Поэтому неудивительно, что в течение всего перьяля, т. е. как раз наиболее острого периода белого террора, Конвент в целом ничего не предпринимает для обуздания массами возвращающихся во Францию непряжских церковников, а его отдельные представители на местах не только оказывают им покровительство, но и прямо возглавляют деятельность «компаний Иисуса». А когда в мессидоре в Конвенте был поставлен вопрос о некоторых весьма слабых мерах предупреждения контрреволюционной деятельности попов, то вопрос этот был отложен в долгий ящик и отсрочен до окончания разработки новой конституции.

13 мессидора III года (5 июля 1795 г.) выступивший от имени Комитета законодательства представитель «болота» Жениссье сделал Конвенту доклад о возвращении сосланным церковникам отобранного у них в свое время имущества, а равно и о мерах предупреждения контрреволюционных выступлений служителей культа. В виду крайней характерности этого доклада для данного периода деятельности термидорианского Конвента мы приведем его в подробных извлечениях.

«Когда, — начал свой доклад Жениссье, — неправильные меры ударяют без разбора по добрым и злым и смешивают в одну кучу действия и убеждения, ошибки и преступления; когда в отношении даже действительно виновных меры эти оказываются слишком сильными и косвенным образом бьют по невинным семьям, — это смешение справедливого и несправедливого приводит к тому, что общественное мнение осуждает закон в его целом и что внушаемое невинными жертвами чувство сострадания невольно распространяется и на мерзавцев. В этих случаях правительство тщетно угрожает должностным лицам; они всегда найдут тысячи способов и предлогов, чтобы обойти закон... Такова картина, представляемая законами и неисполнением законов о священниках и отправлении культов.

«Кто хочет быть строгим, должен начать с того, чтобы быть справедливым. Хотим ли мы, не вызывая волнений, подавить злоупотребления, могущие возникнуть при свободном отправлении культов и приостановить глупые махинации или смелые предприятия их служителей? Хотим ли мы оказаться в состоянии наказывать их, не вызывая при этом ропота и негодования невежества, легковерия и личной заинтересованности и без того, чтобы хотя бы один добрый гражданин оказался тронутым их судьбой? Начнем же с того, чтобы уничтожить поводы для всяких основательных жалоб, начнем с того, чтобы устранить какие бы то ни было основания для декламации, злословия и клеветы.

«Не будем допускать, чтобы то, что терпится и даже разрешается в департаментах запада, подавлялось на востоке, севере или юге; предоставим могущественное покровительство закона свободному отправлению культов, строго наказывая тех, кто будет мешать их исполнению; дадим возможность служителям культов пользоваться всем тем, чего они могут ждать от разума, морали, справедливости и даже долготерпения. Не будем вносить сюда каких бы то ни было ограничений, могущих обеспокоить совесть наиболее строгих служителей культа, или послужить поводом для тех из них, кто намеревается послушаться. Сделаем так, чтобы они не могли говорить, не будучи при этом опровергнутыми даже наименее образованными людьми, что наши законы наносят ущерб религии, морали или их собственности... Поставим их в такое положение, чтобы те, кто является действительно злым, представлялись всем во всем своем безобразии; сделаем так, чтобы в случае их наказания, все, не исключая самых пламенных их прозелитов, были вынуждены признать, что в данном случае наказывается не священник, а бунтовщик, возмутитель, совратитель или предатель...

«Некоторые церковники покинули Францию, не будучи признаны к тому и даже не получив на это разрешение в силу какого бы то ни было закона, постановления или приказа. Это — первые виновники наших внутренних распрей, бывшие епископы, владельцы богатых бенифициев. Они внесены в списки предателей, собравшихся на иностранной территории для того, чтобы создать нам врагов. Это — эмигранты; в отношении их были издааны законы, которых они осмелились послушаться. Они должны быть наказаны, и о них сейчас не может быть никакой речи.

«Если другие церковники, оставшиеся во Франции, все равно присяжные или непряжские, своими действительными и явными действиями, совершили или еще могут совершить какие-либо преступления против свободы и законов, они подходят под общую категорию бунтовщиков и заговорщиков. Соответствующие законы существуют, и речь может идти только о том, чтобы заставить их исполнять.

«Что касается до тех, относительно неблагонадежности которых согласно августовскому декрету, 1792 г. поступил донос со

стороны шести граждан, то здесь следует провести некоторые различия. Если донос носит общий характер, он не заслуживает какого бы то ни было внимания. Наоборот, если донос говорит об определенных фактах, тот, кого он касается, как и все враги свободы, должен быть осужден в силу законного суда и следствия. Один же только факт доноса недостаточен для оправдания его ссылки, проскрипции и конфискации его имущества.

«Нельзя отрицать, что многие священники совершили и еще продолжают совершать преступления против родины и свободы, но из этого вовсе не следует, что каждый, являющийся священником, тем самым виновен. Подобные ужасные законы не должны более фигурировать в кодексе свободных людей» (курсив наш. Я. М.).

«Остается сказать о священниках, которых приговорили к ссылке или заключению и имущества коих были конфискованы только за то, что они отказались принести или взяли обратно присягу, предписанную декретом, известным под названием гражданского устройства духовенства, а равно и присягу о свободе и равенстве, предписанную августовским декретом 1792 г.». Требование такой присяги, — утверждает Женисье, — является безнравственным и к тому же бесполезным, ибо человеческие убеждения меняются, и присяга, принесенная вчера, еще ровно ничего не говорит о настроении того же самого человека сегодня.

«Я знаю и отнюдь не намерен скрывать, что некоторые, а, может быть, даже и большая часть тех, кто в свое время отказались принести потребованную от них присягу, сделали это не столько в силу велений своей совести, сколько из-за политических расхождений или из страха все время ожидавшегося ими возвращения их прежних тиранов-епископов. Но если это соображение могло оправдать, независимо от каких-либо положительных бунтовщических действий, их ссылку или изгнание, из этого еще вовсе не следует, что оно могло таким же образом оправдать и конфискацию их имущества.

«Республика может присвоить себе в качестве вознаграждения за убытки имущества только тех, кто устраивает заговоры во вне или внутри страны. Но простой отказ от присяги даже по чисто политическому вопросу, не связанный с каким-либо положительным действием, не может еще служить доказательством заговора, ибо вполне возможно допустить существование людей, хотя и не любящих то или иное правительство, но тем не менее не участвующих в заговорах против него. Никогда разум не позволит приравнять человека, отказывающегося от присяги, к предателю, отправляющемуся за границу для соединения с другими предателями с целью создания там врагов и возвращения с оружием в руках. К этому следует добавить, что уголовные законы не могут иметь обратной силы. А между тем именно это было сделано в декрете 17 сентября 1793 г., приравнявшем сосланных к эмигрантам,

и в законе 30 вандемьера II года, объявившем подлежащими ссылке всех тех, кто не принесли присяги, и предписавшем конфискацию имущества даже тех, кто покинули Францию с паспортами или в силу соответствующих предписаний и которым было обещано пользование их пенсиями и доходами.

«Мне нет надобности добавлять, что эта конфискация была столь же не политической, сколь и несправедливой, ибо большинство этих церковников вышли из бедных семейств и чаще всего были не столько владельцами, сколько простыми хранителями того, что находилось в их владении. Таким образом конфискация лишала их надежд, а иногда даже и их собственных имущества, братьев, сестер или племянников, и они, ожесточенные несчастьем, делались в силу этого врагами революции, успехам которой они до того радовались. Поэтому вы не допустите оставления в силе этих конфискаций.

«Но когда вы сделаете все для оказания справедливости отдельным людям, когда вы точно так же сделаете все для установления свободы отправления культов и избрания их служителей, неужели вы вместе с тем ничего не сделаете для устранения могущих вытечь из этой свободы злоупотреблений?

«Соответствующие принципы установлены законом 3 вантоза, но этот закон представляет все усмотрению самих священников и не содержит никаких санкций, могущих заставить соблюдать его постановления. Закон этот не предусматривает ни одну из могущих быть примененными махинаций, ни один из могущих быть придуманными ходов, имеющих своей целью его обхождение. Закон этот не содержит никаких репрессивных постановлений и не предусматривает никаких предосторожностей против нерадения или злой воли судей. Все это нам еще остается совершить.

«Необходим закон, который, исправляя ошибки, предупреждал бы преступления; закон, соблюдение коего обеспечило бы нам подчинение всех священников законам Республики; закон, который, не заключая в себе какого бы то ни было произвола или насилия, вместе с тем наказывал бы все преступления, которые священники стали бы совершать.

«Необходимо, чтобы рядом с каждым преступлением было указано и наказание. Нужно, чтобы это наказание было умеренным, но и достаточным, и чтобы оно никогда не представляло картины, могущей возбудить фанатизм и заинтересовать в судьбе его объекта невежество и легковерие.

«Часто могут иметь место преступления, совершенные в связи с отправлением культа его участниками или прозелитами его служителя; но без того, чтобы из документов или показаний явствовало, что этот последний является подстрекателем. Невзирая на то, что в большинстве случаев дело обстоит именно так, уличить его является чрезвычайно затруднительным, ибо те, кем он руководит, кому он обещает спасение или кого он может об-

речь на проклятие, вполне естественно не пожелают его разоблачить. Как же в таком случае следует поступить? Наказывать его по простому предположению было бы варварством. Оставить его безнаказанным и наказать только тех, кого он мог ввести в заблуждение или толкнуть на преступление, значило бы лишь содействовать его видам, так как преследование в отношении введенных в заблуждение лиц было бы затруднительным, несправедливым и могло бы привести к восстаниям.

«В этом случае искусство законодателя должно предоставить справедливости исключительное и вместе с тем достойное ее средство. Это средство должно заключаться в том, что когда беспорядки или преступления констатированы, против служителя культа должно быть возбуждено преследование и ему должно быть предложено употребить все его влияние на свою паству, чтобы предупредить подобные действия. Сверх того он должен быть объявлен, если не во всем, то хотя бы частично ответственным за возможный рецидив. Эта ответственность в случае наступления рецидива будет основана на том справедливым предположении, что он либо тайный подстрекатель преступления, либо сочувствует ему, либо, наконец, неспособен воздействовать на свою паству в духе мира и порядка. В этом случае ему должно быть предписано покинуть коммуны и отправиться на некоторое время на известное расстояние от нее. В случае нарушения этого предписания он должен быть за это наказан.

«Благодаря этому средству, не заключающему в себе чего-либо слишком строгого или насильственного, всякий служитель культа будет заинтересован в сохранении общественного порядка. Ни один из них не будет пользоваться безнаказанностью, и в коммунах не будут возникать беспорядки, что было бы неизбежным в том случае, если бы вместо того, чтобы уличать и делать ответственным служителя культа, стали бы привлекать к ответственности огромное количество жителей» (курсив наш. Я. М.).

В заключение своего доклада Жениссье предложил проект трех декретов: о возвращении конфискованных имуществ сосланных священников; о судьбе сосланных или подвергнутых ранее заключению церковников и о полиции культов и предотвращении и наказании связанных с их отправлением преступлений.

Мы потому привели столь длинные отрывки из доклада Жениссье, что доклад этот и в особенности развернувшиеся вокруг него прения с необычайной ясностью показывают, в каком настроении в отношении католической церкви пребывали в последние прериальские дни выражавшие интересы «новой» буржуазии конвентские «болото» и правые термидорианцы. Предложения Жениссье могут быть в кратких словах резюмированы следующим образом: 1) отмена всех прежних законов о неприсяжных священниках, 2) возвращение их семьям конфискованных у них имуществ и 3) установление нового закона об ответственности священников, хотя и несравненно более мягкого по сравнению с

прежними, но все же до некоторой (хотя и очень незначительной) степени позволяющего контролировать их действия. Однако это последнее предложение, несмотря на всю его умеренность, все же пришлось по вкусу жирондистам, и Ланжюине потребовал отложения его рассмотрения на неопределенный срок. При этом, требуя отложения обсуждения вопроса об ответственности церковников, жирондисты совершенно иначе отнеслись к предложению Жениссье о возвращении семьям сосланных священников конфискованных у этих последних имуществ. Жирондисты подобно неприсяжным попам сами слишком сильно пострадали в свое время от конфискаций, чтобы не сочувствовать своим товарищам по несчастью. Поэтому Ланжюине, требуя отложения рассмотрения остальных предложений Жениссье, вместе с тем заявил:

«Я полагаю, что мы не должны медлить с тем, чтобы примирить с нами несколько миллионов сельских семейств, возмущенных той несправедливостью, которая была совершена в отношении их родственников, которых без всякого суда лишили их имуществ. Поэтому я предлагаю, чтобы проект о возвращении принадлежащих сосланным священникам имуществ был отложен лишь на очень краткий срок с тем, чтобы теперь же была приостановлена их продажа».

Каким образом отнеслись к позиции жирондистов заседавшие в Конвенте представители «новой» буржуазии, т. е. «болото» и правые термидорианцы? Вряд ли нужно доказывать, что основной задачей их после прериальских дней являлось подчеркивание при каждом удобном и неудобном случае их уважения к «священному принципу частной собственности». Поэтому неудивительно, что предложение Ланжюине в части, касавшейся вопроса об имуществе церковников, было принято Конвентом без всяких прений. Что же касается до остальных частей доклада Жениссье, то правые термидорианцы и «болото» не видели в этот момент никаких оснований давать жирондистам бой по этому совершенно второстепенному для них вопросу. Поэтому соответствующее предложение Ланжюине было также принято, но с той лишь поправкой (она была внесена Буасси д'Англя), что вопрос откладывался не на неопределенный срок, как этого хотел Ланжюине, а лишь до окончания рассмотрения новой конституции.

Но если таким образом прения 13 мессидора показали, что в дни, последовавшие за подавлением прериальского восстания, правые термидорианцы и «болото» были готовы идти на очень значительные уступки католической церкви, то такое положение вещей было явлением довольно кратковременным, и происшедший летом 1795 г. поворот в общей политической линии правых термидорианцев оказал весьма заметное влияние и на их политику в религиозном вопросе. Основной причиной этого поворота было резкое усиление монархической опасности в стране, возобновление войны в Вандее и, наконец, знаменитая квиберонская экспедиция эмигрантов.

Как известно, соглашение, заключенное в феврале 1795 г. между термидорианцами и вождями вандейцев, являлось для этих последних не чем иным, как военной хитростью, рассчитанной на выигрыш времени и подготовку нового нападения на Республику. 7 мессидора вандейцы неожиданно напали на республиканские войска и возобновили войну, а одновременно с этим английский флот высадил на французском побережье десант, составленный главным образом из эмигрантов. При этом чрезвычайно характерно, что при этом отряде находились многочисленные неприсяжные священники, возглавлявшиеся дольским епископом, которого римский папа назначил апостолическим викарием для всей Бретани¹.

Хотя вся эта экспедиция и окончилась, как известно, полным поражением роялистов, загнанных республиканскими войсками на полуостров Квиберон (отсюда и название всей экспедиции), однако само собой разумеется, что совпавшее по времени с крайним усилением роялистов внутри страны новое усиление угрозы со стороны эмигрантов, чреватой опасностью полной реставрации абсолютизма Бурбонов, не могло не толкнуть термидорианцев налево, что и отразилось на всей деятельности Конвента в последние месяцы его существования. Что же касается специально интересующей нас в данный момент области—отношения Конвента к неприсяжным священникам, то здесь наряду с общим полевением термидорианцев весьма сильно сказалось еще и то обстоятельство, что к этому времени до полной очевидности выявилось, что деятельность возвращающегося во Францию неприсяжного духовенства направлена не только против «террористов», т. е. иначе говоря представителей революционной мелкой буржуазии, но равным образом и против самой «новой» крупной буржуазии. Достаточно доказательством этого факта может служить хотя бы следующий отрывок из статьи, напечатанной в номере правотермидорианской газеты «Вечерний вестник» от 1 фрюктидора:

«Прекратите ваши иеремиады, вы, плачущие о разрушении религии и о развалинах Сиона! Иерусалим возражает более ярким и пышным, чем он когда-либо был; никогда еще культ так строго не соблюдался, как сейчас; никогда еще народ не был столь богомольным... Скоро вернутся хорошие времена; в Нотр-Дам уже совершается месса, на улицах можно встретить священников в рясах, а у дверей церквей кающиеся грешники, покрытые мешками, приносят покаяние и взывают к жалости правоверных, которые не отлучены подобно им от церкви только за то, что они поклялись соблюдать законы своей родины. Десятина и плата за трех скоро снова обогатят этих религиозных прелатов, вынужденных теперь жить подаванием, как их учитель Иисус христос. Мессы стоят уже 25 ливров; уже отлучают от церкви приобретателей национальных имуществ и скоро их станут сжигать на кострах, как еретиков, если они не возвратят церкви отобранных у нее бо-

гатств. Уже начинают показывать пальцами на тех, кто не посылает своих семей в церковь и кто не принимает участия в расходах на нужды церкви: это враги бога, антихристы, которых избранные должны тщательно избегать, ибо они осуждены на вечные адские муки. Недостаточно ли уж политических раздоров и без этого нового семени вражды? Неужели же терпимость и добродетель никогда не заменят суеверия и нелепых разговоров? А вы, чьи души должны бы быть очищены несчастьем, вместо того чтобы мстить проскрипциями тем, кто вас преследовал и разорял, хотите быть действительно достойными любви и уважения? Последуйте примеру вашего бога, который молился за своих врагов; внушайте своим примером всем преданным вам сердцам любовь к труду и к законам, терпимость, забвенье обид и широкое всепрощение!» (Курсив наш. Я. М.)

Как ясно показывают подчеркнутые нами слова, основной задачей неприсяжного духовенства в это время являлось стремление к возврату конфискованных у церкви имуществ и вряд ли требуется доказывать, что это означало не что иное, как прямой удар по «новой» буржуазии, создавшей свое состояние в первую очередь именно на спекуляции национальными имуществами. Поэтому неудивительно, что выражавшие интересы этой буржуазии правые термидорианцы и «болото» не могли самым энергичным образом не реагировать на подобные стремления неприсяжных церковников, и это с полной очевидностью выразилось уже во время конвентского заседания 30 термидора (17 августа 1795 г.).

В этом заседании, одном из многих, посвященных рассмотрению новой конституции (так называемой «конституции III года»), рассматривалась ст. 332, проект которой гласил:

«Никому не может быть воспрещено отправление избранного им культа, если он при этом подчиняется соответствующим полицейским законам. Никто не может быть обязан принимать участие в покрытии издержек других культов».

При обсуждении этой статьи правый термидорианец Гарран предложил вычеркнуть слово «полицейских», «ибо,—говорил он,—священники, подобно всем гражданам, должны подчиняться не только полицейским, но и всем вообще законам».

С решительным возражением против этой поправки выступил Ланжюине. «Невозможно,—говорил он,—допустить понимание в этой статье каких-либо иных законов, кроме полицейских. Допустить противное, значило бы тем самым сказать, что возможны посяательства на свободу культов».

Выступление Ланжюине вызвало резкую реплику со стороны Андре Дюмона, чрезвычайно ярко показывающую, насколько за истекшие с 13 мессидора пять или шесть недель изменилась позиция правых термидорианцев в вопросе о церкви. «Предположим,—воскликнул Дюмон,—что под предлогом свободы культов станут проповедывать убийства, грабежи, роялизм и т. д., и вот, я спрашиваю вас, достаточными ли для подавления подобных преступлений

¹ Матьез, стр. 276.

окажутся одни только полицейские законы? Никакая каста, также как и никакой отдельный человек, не может ставить себя выше законов. Но если тем не менее будут настаивать на сохранении слова «полицейских», я окажусь вынужденным для того, чтобы добиться его исключения, высказать некоторые истины, которые было бы неразумно оплащать, если бы нас к этому насильно не вынуждали.

Большинство Конвента согласилось с Дюмоном, и слово «полицейских» было вычеркнуто из окончательного текста. После этого на трибуну поднялся представитель «болота» Перес и заявил:

«Я предлагаю принять еще одну, дополнительную, статью. Вот ее текст:

«Те, кто под предлогом отправления какого-либо культа станут организовывать тайные собрания в неуказанных полицейских местах, будут рассматриваться в качестве бунтовщиков и будут наказываться как таковые».

«В качестве мотивировки своего предложения, — продолжал Перес, — я заявляю, что пора, чтобы правительство приняло быстрые меры, необходимые для подавления тех злоупотреблений, которые имеют место при осуществлении столь мудро предоставленной вами всем французам свободы отправления избранного ими культа.

«Если бы они все были честны и действительно проникнуты любовью к общественному благу, нам бы не пришлось страдать от тех бедствий, которые они в последнее время причинили отечеству».

«Если бы под предлогом неправильно понятых тактических соображений вы не отложили до принятия конституции полицейского закона о культах, предложенного вам некоторое время тому назад Комитетом законодательства, мне не пришлось бы сообщать вам, что несколько дней тому назад конституционный юре Фре-гуилля, в дистрикте Иль-Журден, был убит в помещении алтаря во время совершения им мессы. Мне бы точно также не пришлось сообщить вам, что в ночь с 14 на 15 конституционный юре коммуны Бетюн был обращен в бегство бандой разбойников, явившихся, чтобы зарезать его в его собственном доме.

«Во множестве тайных помещений неприяжные священники и возвратившиеся эмигранты проповедуют от имени бога справедливости восстание против ваших законов, обесценение ассигнатов и убийство «волков». Под этим названием они обозначают в проповедях своим фанатичным сторонникам тех священников, которые, послушные вашим законам, поспешили сообразоваться с изданным вами декретом, предписывающим заявление перед муниципалитетом своего местожительства о своем подчинении законам Республики.

«В силу этих достаточно веских соображений я настаиваю на включении в ваши общие постановления только что сделанного мной предложения. Кроме того я предлагаю в ближайшее же время заслушать доклад о полицейском законе касательно наблюдения

за культами. Без принятия этой меры вся Франция, — говорю это с глубокой скорбью, — в ближайшем же будущем представит не что иное, как одну сплошную Вандею».

Выступивший вслед за Пересом левый представитель «болота» Берлие заявил, что соображения предыдущего оратора вполне правильны, но они тем не менее не имеют отношения к вопросу о конституции. Конвент с этим согласился и передал соображения Переса на рассмотрение Комитета законодательства.

Крутое изменение позиции правых термидорианцев и «болота» в вопросе о контрреволюционных священниках, столь ярко проявившееся в заседании 30 термидора, нашло себе дальнейшее отражение в конвентских прениях 19 и 20 фрюктидора (5—6 сентября 1795 г.), имевших место уже после окончания разработки конституции. В заседании 19 фрюктидора вождь правых термидорианцев Фрерон, воспользовавшись как поводом петицией одного гражданина, заявившего, что возвратившиеся эмигранты препятствуют ему вступить во владение приобретенным им национальным имуществом, выступил с речью, в которой требовал обуздания эмигрантов и неприяжных священников. В доказательство своих утверждений Фрерон огласил документы, из которых явствовало, что «на всем юге Франции вернувшиеся эмигранты путем насилий и угроз заставляют приобретателей национальных имуществ возвращать таковые..., а священники предписывают это возвращение именем бога. Грасский юре, неприяжный священник и эмигрант, заставляя приобретателей национальных имуществ просить прощения у бога».

Фрерон был горячо поддержан другим вождем правых термидорианцев, Талье-м. «Недостаточно, — говорил этот последний, — одним только частичных мероприятий. Вы должны окидывать взглядом не отдельные части Республики, а всю Республику в целом... Пора, наконец, заявить вам, народные представители, что те заговоры и интриги, которые имели место в конце деятельности Учредительного Собрания, возобновляются теперь теми же самыми людьми, с той же активностью, с той же ловкостью и хитростью...

«Пора, чтобы ваши комитеты вышли из своего летаргического состояния... и ознакомили вас с положением многих частей Республики... Вы увидите тогда, какие страдания причиняют этим областям священники и эмигранты, благодаря слабости, чтобы не сказать сильнее, некоторых людей, вернувшихся в свое отечество, против которого они не перестают и ныне строить козни... Вы узнаете, что во многих южных департаментах патриоты-приобретатели национальных имуществ преследуются и подвергаются избиениям и смерти; вы поймете, что пора, наконец, положить предел стольким ужасам!»

Фрерона и Тальена поддержал правый термидорианец Изабо, выступивший от имени Комитета общественной безопасности. «Двумя величайшими бичами Республики, по его словам, являются

вернувшиеся эмигранты и сосланные неприсяжные священники. Администрациям дано распоряжение преследовать первых, что же касается вторых, то их деятельность облегчается той неопределенностью и неясностью, которая существует в законодательстве по их поводу. Против этой святотатственной орды со всех сторон раздаются стоны и жалобы, поэтому отдано распоряжение арестовывать тех представителей этой касты, которые отказываются подчиняться законам Республики, и преследовать их, но не как священников, а как бунтовщиков, сторонников монархии и виновников беспорядков и восстаний».

Еще более решительным по своему тону было выступление Буссиона, представителя «болота» «Мы все время,—начал он,—говорим о неприсяжных священниках и о беспорядках, которые они возбуждают в департаментах. Однако есть верный способ положить предел их заговорам закон, предписывающий их ссылку, еще не отменен, и поэтому неприсяжные священники не могут быть служителями какого бы то ни было культа».

Речи Фрерона, Тальена, Изабо и Буссиона чрезвычайно ярко показывают, насколько «новая» буржуазия, спокойно смотревшая на все зверства неприсяжных священников до тех пор, пока жертвами их являлись одни «террористы», всполошилась, едва только под их ударами оказались приобретатели национальных имуществ.

В противоположность этому «старая» буржуазия была весьма мало заинтересована в этом вопросе и поэтому неудивительно, что хотя один жирондист (Корнилло) и поддержал Фрерона и Тальена, другие жирондистские депутаты (Ланжюине, Лантена, Анри Ларивьер), не выступая прямо против предыдущих ораторов, пытались, однако, затянуть вопрос и отложить его решение на более или менее длительный срок. В силу этого к концу заседания 19 фрюктидора дебаты приняли чрезвычайно напряженный и даже бурный характер, и исход голосования был решен лишь горячей, хотя и насквозь демагогической, речью виднейшего вождя правых термидорианцев — Барраса.

«Хотите вы Республики или нет?» — с пафосом восклицал Баррас (Да, да! — кричал со всех концов залы) В таком случае будьте справедливы, но вместе с тем и стойки, будьте страшны для врагов свободы! Сейчас убивают именем короля и именем бога; не оставайтесь долее спокойными зрителями преступлений, позорящих французскую почву (горячие аплодисменты). Я поддерживаю предложение Ларивьера (Ларивьер говорил, что перед тем, как принимать решение, необходимо заслушать мнение Комитета законодательства Я М), но я предлагаю, чтобы не позднее чем завтра комитеты представили нам свой доклад и предложили надлежащие мероприятия. Мы не должны скрывать от себя, что волнение повсеместно, роялисты, эмигранты и кровожадные священники делают все, чтобы погубить отечество. Конвент окажется достойным народа, и он поддержит патриотов против всех их врагов. Но пусть

дрожат и анархисты, мы точно так же не посчитаемся с ними, как и с роялистами! Мы уничтожим всех тех, кто не хочет свободы и Республики!»

Конвент без прений согласился с предложением Барраса, и на следующий день, 20 фрюктидора, Изабо сделал по вопросу о неприсяжных священниках доклад от имени Комитетов законодательства и общей безопасности.

«Каковы бы ни были махинации,—говорил Изабо,—этих людей, вызывающих все бедствия нашего отечества и под покровом своего сана вместо того, чтобы проповедывать религию независимости Республики, сеющих семена раздора и анархии,—ваши комитеты в течение некоторого времени не говорили вам о них не из-за своего страха открыть вам истину, которую они всегда будут в силах вам преподнести, а вследствие того соображения, что неполитично наделять их силой, которой они на самом деле не обладают. Кроме того комитеты считали, что с ними можно справиться одними только мерами правительственного аппарата. Но теперь, когда вы захотели сами убедиться во всем и когда вся Франция желает, чтобы вы бросили взгляд на эту ее рану, мы дадим вам возможность оценить всю ее глубину».

Сообщив затем Конвенту отдельные конкретные примеры деятельности неприсяжных священников, Изабо указал на ту поддержку, которую они оказывают слабовольным людям, видящим выход из всех испытаний революции только в восстановлении старого режима. Этим людям «оказывают могущественную поддержку неприсяжные священники, обходящие деревни и сеющие страх в умах их жителей. Они отпускают им их мнимые грехи только постольку, поскольку они обещают вернуть национальные имущества их прежним владельцам, признать в надлежащую минуту короля и продавать свои товары лишь в обмен на монету с королевским изображением. Они заставляют присяжных священников терпеть бесчисленные страдания и восстанавливают их лишь после предварительного отрешения от должности и длительного обслуживания ими в других департаментах месс «порядочных» священников. Наконец, они принуждают родственников защитников отечества отзываться таковых с фронта и вынуждают этих достойных борцов за свободу скрываться, чтобы избежать их ярости».

В заключение своего доклада Изабо предложил проект декрета, который с незначительными изменениями¹ был принят Конвентом в том же заседании 20 фрюктидора. Декрет этот гласил:

«Национальный Конвент, заслушав доклад своих Комитетов общей безопасности и законодательства, декретирует нижеследующее:

¹ Важнейшее из этих изменений заключалось в том, что в то время, как комитеты предлагали установить для возвратившихся неприсяжных священников ссылку, Конвент, по соображениям чисто практического порядка, заменил ее изгнанием.

«Ст. 1. Национальный Конвент поручает своим правительственным комитетам заставить всеми имеющимися в их распоряжении средствами исполнять законы, ранее изданные касательно сосланных и вернувшихся на территорию Республики священников. Они в течение пятнадцати дней со дня опубликования настоящего декрета будут навсегда изгнаны с территории Республики, в случае их возвращения на эту территорию они будут рассматриваться как эмигранты.

«Ст. 2. Административные и судебные учреждения будут в пределах их ведомства персонально ответственны за исполнение законов о служителях культа, причем в случае виновности их члены будут наказаны отрешением от должности и трехмесячным тюремным заключением.

«Ст. 3. По истечении трех дней после опубликования настоящего декрета все служители култов, которые, отказавшись от заявления, предписанного законом 11 прериаля, либо сопроводив такового оговорками, либо отказавшись от него после того, как оно было сделано, будут вместе с тем отправлять обряды какого бы то ни было культа, будь то в общественных зданиях, будь то в частных домах, будь то в каком-либо другом месте,—будут немедленно арестованы и заключены в арестных домах одного из департаментов, соседних с департаментами их места жительства.

«Ст. 4. Владельцы и арендаторы домов, в которых будет происходить отправление культа, нарушающее предписания предыдущей статьи, будут наказаны штрафом в размере тысячи ливров, а в случае повторения—тюремным заключением в течение шести месяцев. Эти приговоры будут произноситься в порядке исправительной полиции и без права апелляции.

«Ст. 5. Мировые судьи возбудят преследования против тех служителей култов, которые позволят себе речи или действия, противные законам Республики, и станут призывать к восстановлению монархии; они будут наказаны в соответствии с уголовными законами.

«Ст. 6. Национальный Конвент, декретируя в принципе, что те имущества сосланных священников, которые в силу ранее изданных законов были конфискованы в пользу Республики, подлежат возвращению их семьям,—порукает своим Комитетам законодательства и финансов представить в трехдневный срок проект закона по этому поводу.

«Ст. 7. Включение настоящего декрета в бюллетень корреспонденции будет считаться равносильным его опубликованию».

Как ясно показывает даже поверхностное ознакомление с декретом 20 фрюктидора, декрет этот означал не просто новое подтверждение декрета 12 флореаля, но вместе с тем и весьма серьезное ограничение закона 11 прериаля. В самом деле, начать хотя бы с того, что, как мы видели в свое время, при практическом применении этого закона были допущены такие оговорки к требуемому им заявлению о подчинении законам Республики, которые своди-

ли на-нет все это заявление. Еще важнее было то, что в то время, как декрет 11 прериаля требовал этого заявления только от тех священников, которые желали исполнять свои функции в общественных зданиях, декрет 20 фрюктидора распространял соответствующие правила на всех вообще служителей культа, не исключая и тех, которые стали бы служить только в частных домах. Что же касается до ст. 6 декрета 20 фрюктидора (о возвращении конфискованных имуществ сосланных священников), то она составляла не что иное, как повторение постановления, принятого Конвентом в его заседании 13 мессидора. Таким образом мы можем еще раз констатировать, что с того самого момента, как неприсяжные священники осмелились, не довольствуясь «террористами», ополчиться на права и интересы приобретателей национальных имуществ, т. е. прежде всего представителей «новой» буржуазии, они подвергли себя вполне понятному гневу термидорианцев. Результатом этого гнева и явился декрет 20 фрюктидора, значительно ухудшивший положение католической церкви по сравнению с положением, существовавшим в силу закона 11 прериаля.

Совершенно тем же духом, что и декрет 20 фрюктидора, был проникнут принятый Конвентом в заседаниях 6 и 7 вандемьера (28—29 сентября) общий декрет о позиции култов. Декрет этот был принят без прений по предложению выступившего от имени Комитета законодательства Женисье. В виду исключительной важности декрета 6—7 вандемьера, мы, невзирая на его обширные размеры, приведем его важнейшие постановления, отбрасывая лишь детали чисто технического характера.

«Национальный конвент, заслушав доклад своего Комитета законодательства,

«принимая во внимание, что согласно постановлениям конституции, никто не может быть лишен права отправлять, подчиняясь законам, обряды избранного им культа; что никто не может быть принужден принимать участие в расходах какого-либо культа, и что Республика не оплачивает ни одного из них;

«принимая во внимание, что после того, как провозглашены эти фундаментальные основы свободного отправления култов, необходимо определить вытекающие из них законы и соединить в одно целое все ранее изданные по этому предмету постановления, что, с другой стороны, законы эти должны быть дополнены обеспечивающими их исполнение карательными постановлениями;

«принимая во внимание, что законы, которым необходимо следовать при отправлении култов, не касаются того, что относится только к области верований, а именно взаимоотношений между человеком и объектами его культа и что целью их является и не может не являться лишь надзор, ограничивающийся мерами полиции и общей безопасности;

«что таким образом законы должны гарантировать свободное отправление култов, устанавливая наказания для тех, кто стали

бы мешать их церемониям или оскорблять их служителей при исполнении ими своих обязанностей;

«что закон должен требовать от служителей всех культов чистоты гражданской гарантии против возможных с их стороны злоупотреблений их положением в смысле призыва к неповиновению государственному закону,

«что законы должны предотвращать, прекращать или наказывать все, что стало бы стремиться к превращению какого-либо культа в исключительный, господствующий или преследующий остальные, как-то: дотации, принудительные сборы, насилия, касающиеся расходов на культ, выставление в каких-либо местах специальных знаков, совершение церемоний и ношение церковных одеяний вне зданий, предназначенных для отправления культа, наконец попытки служителей культа вмешиваться в гражданское состояние граждан;

«что законы должны наказывать преступления, могущие быть совершенными по поводу отправления культов или в качестве злоупотребления таковым;

«что законы, наконец, должны определить порядок судопроизводства по преступлениям этого рода:

«Национальный Конвент декретирует нижеследующее:

Раздел I. Наблюдение за отправление культов. Предварительные и общие постановления.

«Ст. 1. Всякое собрание граждан в целях отправления какого-либо культа подчиняется надзору установленных властей. Этот надзор заключается в мерах полиции и общественной безопасности.

Раздел II. Гарантия свободного отправления всех культов.

«Ст. 2. Те, кто оскорбит объекты какого-либо культа в местах, предназначенных для его отправления, либо оскорбит его служителей при исполнении ими своих обязанностей, либо посредством общественных беспорядков прервет религиозные церемонии какого бы то ни было культа,—будут приговорены к штрафу размером от 50 до 500 ливров с каждого человека и к заключению в тюрьму сроком от одного месяца до двух лет. Наказание это устанавливается сверх наказаний, определенных уголовным кодексом, в случае если данное преступление предусматривается таковым.

«Ст. 3. Под страхом наказания соответственно предписаниям предыдущей статьи, всем судьям и администраторам запрещается использовать свой авторитет, а прочим гражданам—употреблять насилия, оскорбления и угрозы с целью принудить одного или нескольких лиц праздновать какие бы то ни были религиозные праздники или соблюдать те или иные дни отдыха, либо, наоборот, воспрепятствовать означенным лицам соблюдать таковые, будь то посредством принуждения их открывать или закрывать их мастер-

ские, лавки и магазины, будь то каким бы то ни было иным способом

«Ст. 4. Предписания предыдущей статьи не имеют в виду отмены законов, определяющих дни отдыха общественных должностных лиц, и не касаются действий полиции в целях поддержания порядка и благопристойности при гражданских праздниках.

Раздел III. О гражданской гарантии, требуемой от служителей всех культов.

«Ст. 5. Никто не сможет в каком бы то ни было месте отправлять функций служителя какого бы то ни было культа, не сделав предварительно перед муниципальной администрацией или муниципальным адъюнктом места, где он пожелает служить,—декларации, форма которой содержится в следующей статье. Ранее сделанные декларации не освобождают от обязанности сделать декларацию, требуемую настоящей статьей. Сделанные декларации будут зарегистрированы.

«Ст. 6. Формула требуемой предыдущей статьей декларации нижеследующая:

« . . . числа к нам. . . явился . . . (имя и фамилия), проживающий в . . . , сделавший следующую декларацию:

«Я признаю, что сувереном является совокупность французских граждан, и я обещаю подчинение и послушание законам Республики».

«Мы выдали ему удостоверение о совершении этой декларации, в чем и подписуемся вместе с ним».

«Всякая декларация, не соответствующая этому образцу, или заключающая что-либо сверх того, будет считаться недействительной. Те, кто примут таковую, будут наказаны штрафом в размере 500 ливров каждый и тюремным заключением сроком от трех месяцев до одного года.

«Ст. 7. Всякий человек, который по истечении декады со дня публикации настоящего постановления станет исполнять обязанности служителя какого бы то ни было культа, не исполнив предписаний двух предыдущих статей, будет подлежать наказанию, предусмотренному ст. 6. В случае рецидива он будет приговорен к десяти годам каторги.

«Ст. 8. Всякий служитель культа, который, сделав предписанную ст. 6 декларацию, возьмет ее затем обратно, или изменит, или сделает противоречащие ей заявления или оговорки, будет навсегда изгнан из территории Республики. В случае возвращения он будет подлежать бессрочной каторге.

Раздел IV. О гарантии против превращения какого-либо культа в исключительный или господствующий.

Часть I. О расходах на культы.

«Ст. 9. Коммуны или секции коммун не могут как таковые приобретать или снимать помещения для отправления культов.

«Ст. 10. Для покрытия расходов какого бы то ни было культа или оплаты помещений их служителей не могут ни делаться пожизненные или постоянные дотации, ни устанавливаться сборы»

«Ст. 11. Все акты, договоры, резолюции, постановления, приговоры или списки, принятые, изданные или совершенные в нарушение двух предыдущих статей, объявляются недействительными. Подписавшие их общественные должностные лица будут приговорены к штрафу в 500 ливров каждый и к тюремному заключению от одного до шести месяцев»

«Ст. 12. Те, кто посредством оскорблений или угроз попытается принудить одно или несколько лиц к принятию участия в расходах на культ, или которые явятся подстрекателями к означенным оскорблениям или угрозам, будут приговорены к штрафу размером от 50 до 500 ливров. В случае применения насилия будет применяться наказание, предусмотренное уголовным кодексом. Если же данный вид преступления этим кодексом не будет предусмотрен, виновные будут приговорены к тюремному заключению сроком от шести месяцев до двух лет и штрафу от 100 до 500 ливров.

Часть II. О местах, в которых запрещается помещать специальные знаки какого-либо культа

«Ст. 13. Ни один знак, специфический для какого бы то ни было культа, не может быть выставлен, водружен или прикреплен в каком бы то ни было месте, где он будет находиться на виду граждан, за исключением только зданий, предназначенных для отправления этого культа, внутренних помещений частных домов, мастерских и магазинов художников и торговцев или общественных зданий, предназначенных для собрания памятников искусства..»

Часть III. О местах, в которых запрещается совершение обрядов в культа.

«Ст. 16. Совершение обрядов всех культов запрещается вне зданий, предназначенных для их отправления. Это запрещение не распространяется на церемонии, имеющие место внутри частных помещений, но с тем непременным условием, чтобы, кроме жителей данного помещения, в них принимало бы участие не свыше 10 человек...

«... Ст. 18. Нарушение этих правил будет наказываться штрафом в размере от 100 до 500 ливров и тюремным заключением сроком от одного месяца до двух лет. В случае рецидива служитель культа будет приговорен к 10 годам каторги.

«Ст. 19. Никто не имеет права под страхом наказания, предусмотренного предыдущей статьей, появляться в общественных местах в одеждах, костюмах или украшениях, предназначенных для религиозных церемоний.

Часть IV. Об актах гражданского состояния.

«Ст. 20. Всем судьям, администраторам и вообще каким бы то ни было общественным должностным лицам запрещается обра-

щать какое бы то ни было внимание на удостоверения, которые служители культа или лица, именующие себя таковыми, станут выдавать касательно гражданского состояния граждан. Нарушение этого правила будет наказываться согласно предписанию ст. 18. К тем же наказаниям будут приговорены те, кто предъявит подобные удостоверения судам или администрации.

«Ст. 21. Всякое должностное лицо, ведающее актами гражданского состояния граждан, которое отметит в этих актах совершение религиозных церемоний или которое потребует представления доказательств их совершения, будет равным образом наказано согласно предписаниям ст. 18.

Раздел V. О некоторых преступлениях, могущих быть совершенными по поводу отправления культов или в качестве злоупотребления таковыми.

«Ст. 22. Всякий служитель культа, который вне здания, предназначенного для отправления какого бы то ни было культа, огласит или даст огласить во время собрания граждан, вывесит или даст вывесить, распространит или даст распространить какие-либо писания, исходящие или выдаваемые за таковые от служителя культа, не проживающего во Французской Республике, или хотя и проживающего в ней, но делегированного другим, в ней не проживающим,—будет независимо от содержания этого писания приговорен к шести месяцам тюремного заключения, а в случае рецидива—к двум годам.

«Ст. 23. Будет приговорен к пожизненной каторге всякий служитель культа, который совершит одно из ниженазванных преступлений посредством своих речей, молитв или проповедей на каком бы то ни было языке, посредством чтения, опубликования, вышествования, распространения или побуждения к таковому—все равно в предназначенном для отправления культа здании или вне его,—писания, автором которого будет он сам или кто-либо другой;

«Если посредством означенного писания или речи он призывал к восстановлению во Франции монархии, низвержению Республики или роспуску национального представительства;

«Если он призывал к убийству, или приглашал защитников отечества покинуть свои части, или побуждал их родителей вызвать их домой;

«Если он осуждал тех, кто захотел взяться за оружие для поддержания республиканской конституции или защиты свободы;

«Если он приглашал к снесению посвященных свободе деревьев или снятию, или оскорблению эмблем этой свободы;

«Если, наконец, он призывал кого бы то ни было к измене или восстанию против правительства или поддерживал соответствующие намерения.

«Ст. 24. Если посредством своих писаний, афиш или речей служитель культа станет вводить граждан в заблуждение, рисуя им в качестве несправедливых или преступных продажу или покупку

имущества, он будет приговорен к 1000 ливрам штрафа и тюремному заключению сроком на два года. Кроме того ему будет запрещено дальнейшее отправление обязанностей служителя культа; в случае же нарушения этого запрета он будет наказан десятью годами каторги.

«Ст. 25 Служителям культа и их сторонникам категорически запрещается препятствовать служителям иных культов или выдающим себя за таковых, а равно и их сторонниками, их пользования зданиями, объявленными общими в силу ст. 4 закона 11 префио в размере 500 ливров и тюремным заключением сроком от двух до шести месяцев.

Раздел VI. О порядке судопроизводства, о компетенции и о штрафах

«... Ст. 31. Ранее изданные законы отменяются во всех тех частях, в которых они противоречат настоящему..»

Таков знаменитый закон 6—7 вандемьера IV года Республики, являющийся своего рода конституцией, закрепляющей произведенное термидорианским Конвентом отделение церкви от государства. Легко убедиться, что закон этот во многих отношениях ухудшал то положение католической церкви, в котором она находилась после декрета 11 префио. Важнейшими моментами этого ухудшения являлось, не только то, что закон 6—7 вандемьера в полном соответствии с законом 20 фриктидора запрещал какие бы то ни было оговорки при декларации церковников, но и то, что он не допускал частных религиозных собраний с участием свыше 10 посторонних лиц. Не меньшее значение имело установленное ст. 22 декрета 6—7 вандемьера запрещение связи французской католической церкви с римским престолом и, главное, предусмотренные этим декретом суровые наказания для контрреволюционных преступлений церковников. Однако, невзирая на все эти моменты, нельзя сказать, чтобы установленная Национальным Конвентом в последние дни его существования конституция культов в чем-либо нарушала тот принцип отделения церкви от государства, который Конвент усвоил с весны 1795 г. Напротив того, декрет 6—7 вандемьера целиком и полностью построен на принципе отделения церкви от государства, и то, что это так, с очевидностью показывают его постановления, касающиеся ведения актов гражданского состояния, запрещения религиозных церемоний и символов вне специально предназначенных для того зданий и т. д. Более того, принцип отделения церкви от государства проводился в законе 6—7 вандемьера столь прячюлинейного, что, как это показывают ст.ст. 3 и 4, закон этот предоставлял всем гражданам право иметь свои собственные дни отдыха, а декады сохранялись только для общественных учреждений и должностных лиц. Что же касается требования декларации, то таковое было логическим результатом всей пред-

шествующей истории взаимоотношений церкви и государства в 1789—1795 гг. и поскольку оно ровно ничем не касалось религиозных убеждений церковников, оно, естественно, не может рассматриваться как нарушение принципа отделения церкви от государства. То же самое следует сказать и относительно предусмотренных законом 6—7 вандемьера наказаний за контрреволюционную деятельность церковников.

Мы уже неоднократно подчеркивали, что законодательство Конвента по церковному вопросу осени 1795 г., столь решительно отличающееся от его законодательства по этому же вопросу весной и в начале лета того же года, был результатом испуга представителей «новой» буржуазии перед усилившейся угрозой контрреволюции и в частности перед тем, что неприсяжные священники от борьбы с «террористами» перешли к борьбе с приобретателями национальных имуществ. То, что это действительно так, достаточно ярко показывает ст. 24 декрета 6—7 вандемьера. При таком положении вещей само собой разумеется, что достаточно хорошо известное полевение, характеризующее тактику «новой» буржуазии после восстания 13 вандемьера, когда «старая» буржуазия пыталась вырвать у нее власть чисто революционным (или точнее—контрреволюционным) путем, не могло не оказать влияния и на ее отношение к контрреволюционной деятельности католической церкви. Поэтому неудивительно, что Национальный Конвент, приняв в предпоследний день своего существования, 3 брюмера IV года, общий закон о контрреволюционерах и эмигрантах, вместе с тем включил в него ст. 10, которая гласила:

«Законы 1792 и 1793 гг. о священниках, подлежащих ссылке или заточению, подлежат исполнению в течение 24 часов с момента опубликования настоящего декрета. Должностные лица, уличенные в том, что они не радели об их исполнении, будут приговорены к двум годам тюремного заключения. Противоречащие этому постановления комитетов Конвента и конвентских комиссаров аннулируются».

Таким образом, провозглашая отделение церкви от государства, «новая» буржуазия вместе с тем осенью 1795 г. твердо намеревалась не итти на какие бы то ни было уступки контрреволюционным представителям католической церкви. Заканчивая свою деятельность, Национальный Конвент еще раз провозглашал неизблемость своего законодательства о неприсяжных священниках, и законодательство это передавалось им по наследству его преемникам по власти—Директории и Советам пятисот и старейшин.